

И. КОЛОС

РЕЛЬСОВАЯ ВОЙНА В ПОЛЕСЬЕ

ИВАН КОЛОС

РЕЛЬСОВАЯ
ВОЙНА
В ПОЛЕСЬЕ

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР
МОСКВА — 1962

Описанные в брошюре события относятся к лету 1943 года. Под мощным натиском Советской Армии гитлеровские полчища отступали, и фронт все дальше откатывался на запад. Немецкое командование интенсивно использовало для переброски своих резервов и боевой техники железные дороги, идущие в сторону фронта. Одной из таких дорог была магистраль Коростень — Мозырь, которую по заданию Центрального штаба партизанского движения нужно было вывести из строя. Партизаны Полесья это задание выполнили с честью.

Автор настоящей брошюры Иван Андреевич Колос, бывший командир Лельчицкой партизанской бригады, рассказывает о том, как партизаны Южно-припятского соединения готовились и выполнили это важное задание.

ОПЕРАЦИЯ „РЕЛЬСОВАЯ ВОЙНА“

Давно отгремели пушки второй мировой войны, залечены раны, и счастливый советский народ строит прекрасное будущее — коммунизм. Да, мы счастливы. Но счастье досталось нам трудно, ценой громадных жертв. Память невольно возвращает к самому тяжелому времени в истории нашей Родины — к Великой Отечественной войне против гитлеровских захватчиков, пытавшихся поработить наш народ.

Вспоминаются партизанские будни, когда народные мстители, помогая регулярным войскам Советской Армии, беззаветно сражались с врагом на оккупированной им территории, уничтожали его живую силу и технику, разрушали коммуникации.

Определяя задачи советских партизан, ЦК Коммунистической партии с первых дней войны указывал на необходимость развертывания активных действий на путях сообщения противника. В обращении партии к народу в начале июля 1941 года говорилось: «В занятых врагом районах нужно создавать партизанские отряды, конные и пешие, создавать диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде, для взрыва мостов, дорог...»

Выполняя этот наказ, советские партизаны развернули активную деятельность на коммуникациях врага. Уже с первых недель войны против Советского Союза гитлеровцы ощутили серьезные затруднения в транспорте. Отступающие части наших армий и партизаны в тылу противника взрывали мосты, железнодорожное полотно, уничтожали станционные сооружения. В конце июля 1941 года фашистское командование сообщало своему фюреру: «Действия партизан представляют серьезную опасность для немецких коммуникаций».

Правда, на первых порах партизаны не располагали достаточными силами и средствами, чтобы наносить по путям сообщения врага сокрушительные удары. Однако активность и инициатива партизан восполняли эти недостатки.

Как известно, среди партизан было много инженеров, техников, высококвалифицированных рабочих. Они проявляли изумительную изобретательность в создании подрыв-

ных средств. Прославленный белорусский партизан инженер С. П. Минеев сконструировал оригинальную мину, с помощью которой можно было производить взрыв определенной по счету автомашины, идущей в колонне. Это позволяло наносить удар в наиболее выгодном положении, вызывать наибольшую панику и дезорганизацию в стане врага, успешнее уничтожать его технику и живую силу.

Всем, вероятно, памятна кинокартина «Константин Заслонов». В депо станции Орша подпольная группа во главе с К. С. Заслоновым за короткое время подорвала около 100 паровозов, пустила под откос 2 эшелона. Эта группа сама изготовляла мины, и они отлично действовали.

Серьезный ущерб врагу принесли саботаж и диверсии. Так, на Украине полтавские подпольщики сорвали все попытки гитлеровцев восстановить в городе паровозоремонтный завод. В Латвийской ССР рабочие Даугавпилсского паровозоремонтного завода организовали большой пожар на товарной станции, а также крушение поезда с боеприпасами.

Летом 1942 года немецко-фашистское командование бросило в наступление отборные войска, массу боевой техники. Гитлеровцы рвались к Волге и на Кавказ, они стягивали технику и снаряжение отовсюду. В это грозное лето Коммунистическая партия обратилась к партизанам с призывом усилить удары по путям сообщения оккупантов. В передовой статье газеты «Правда» от 13 августа 1942 года говорилось:

«Танковый или пехотный полк фашистов — серьезная сила на поле сражения. Но танковый или пехотный полк, следующий по железной дороге к линии фронта на платформах или в вагонах, может быть уничтожен группой партизан в несколько человек. Задача партизан — уничтожить гадину, пока она не вылезла из эшелона, вместе с эшелоном.

Славные партизаны и партизанки!

Бейте врага, уничтожайте его вооружение и технику в пути, на его коммуникациях, на подходе к фронту, в глубоком вражеском тылу».

Призыв партии вдохновил партизан и население оккупированных районов на борьбу с врагом. К этому времени значительно увеличилась помощь партизанам подрывными средствами, оружием. Штабы партизанского движения установили более тесную связь с отрядами. Партизаны добились больших успехов. Например, на Украине за июль — август было пущено под откос около 90 эшелонов врага, взорвано 23 железнодорожных и 39 шоссейных мостов, уничтожено 50 километров телеграфно-телефонной связи. Партизанская бригада «За Советскую Беларусь» подорвала 110-метровый мост через реку Дриссу на железнодорожной магистрали Полоцк — Двинск. Движение поездов было прекращено на 16 суток.

Мощные удары по коммуникациям врага летом и осенью 1942 года нанесли партизанские соединения под командованием С. А. Ковпака, А. Н. Сабурова, А. Ф. Федо-

рова, Г. М. Линькова, В. В. Разумова, А. К. Флегонтова, Д. А. Медведева, А. И. Штрахова и других, совершившие глубокие рейды по тылам противника. Удары по железным и шоссейным дорогам наносили все соединения, отряды и отдельные группы партизан Белоруссии.

Об усилении ударов по коммуникациям врага свидетельствуют такие факты. Орловские партизаны до сентября 1942 года производили в месяц в среднем 29 крушений эшелонов, а с сентября по январь 1943 года — более 40. Все партизанские соединения, отряды и группы, начиная с сентября, совершали ежемесячно до 300 крушений немецких поездов. Нетрудно представить, какой ущерб это наносило врагу, как сильно снижало его боеспособность на фронтах Великой Отечественной войны!..

Боевые действия партизан на коммуникациях захватчиков все больше беспокоили гитлеровское командование. Фашисты увеличивали охрану, сооружали заграждения, строили доты и дзоты. Но это не помогало. В октябре 1942 года Геринг отдал суровый приказ: «При диверсионном акте против железных дорог, успешном или безуспешном, находящиеся вблизи населенные пункты должны быть сожжены, мужское население расстреляно, женщины и дети отправлены в лагерь».

Несмотря на чрезвычайные меры по охране дорог и на жестокие репрессии, партизаны и население не только не ослабляли борьбу, а, наоборот, усиливали ее. Взрывы мостов,

налеты на станции, подрывы автомашин — все это нарушало движение и снабжение вражеских войск. Вместе с тем успешные действия партизан поднимали дух населения, вовлекали в борьбу с гитлеровцами все новые и новые силы. Местные жители предупреждали партизан о появлении противника, вели разведку, показывали скрытые пути подхода к вражеским объектам.

Меры, принятые Коммунистической партией по разрушению коммуникаций врага, в первые два года войны усилили активность партизан, дали возможность перейти к еще более крупным операциям на железных и шоссейных дорогах в тылу противника.

Весной 1943 года по указанию ЦК ВКП(б) Центральный штаб партизанского движения разработал план массированных ударов по железнодорожным магистралям врага. Этот план получил название «рельсовая война». Суть его сводилась к тому, чтобы одновременными действиями привести в негодность сотни километров железнодорожных путей и таким образом парализовать движение вражеских эшелонов с воинскими частями и боевой техникой на продолжительное время. Огромную работу по подготовке к «рельсовой войне» провели партийные органы. Партизаны усиленно изучали подрывное дело и вели разведку.

В соответствии с разработанным планом первыми «рельсовую войну» начали партизаны Орловщины. Затем в ночь на 3 августа на железнодорожные магистрали вышли партизаны Белоруссии, Калининской, Смолен-

ской, Ленинградской и других временно оккупированных областей. Первая операция «рельсовой войны» продолжалась до середины сентября. В ней участвовало около 100 тысяч партизан. Им всегда оказывало большую помощь местное население. По данным штабов партизанского движения, с конца июля по 15 сентября партизанами было подорвано около 215 тысяч рельсов. В результате перевозки грузов противника сократились на 30—40 процентов.

На втором этапе «рельсовой войны» — с конца сентября по ноябрь 1943 года — участвовало 120 тысяч партизан, которых поддерживало почти все взрослое население. В эту операцию, названную «концертом», было подорвано свыше 148 тысяч рельсов. Особенно активно действовали белорусские партизаны, подорвавшие около 90 тысяч рельсов.

Следует отметить, что в первую операцию «рельсовой войны» подрыв рельсов сочетался с уничтожением автомашин на шоссе и дорогах и взрывом мостов. Например, белорусские партизаны разрушили 184 железнодорожных моста. Во вторую операцию подрыв рельсов сочетался с организацией многочисленных крушений эшелонов.

В результате мощных ударов по путям сообщения противника пропускная способность ряда железных дорог была снижена от 40 до 90 процентов. Например, удары украинских партизан, взрывавших в основном мосты и устраивавших крушения поездов, снизили пропускную способность дороги Ковель — Сарны — Киев в шесть раз, Ковель — Ров-

но — в 2,5 раза, а железные дороги Тернополь — Волочиск, Шепетовка — Тернополь были полностью выведены из строя.

Массовые мощные удары героических отрядов партизан по коммуникациям поставили оккупационные власти в тяжелое положение. Об этом говорят признания самих гитлеровцев. Так, командир 559-й тыловой немецкой комендатуры писал: «В последние ночи количество взрывов на железных дорогах выросло до такой степени, что при настоящем положении их дальнейшее повторение может серьезно угрожать операциям на фронтах и их снабжению». А вот еще одно красноречивое сообщение дирекции железных дорог Минска, датированное 19 сентября 1943 года: «Положение очень напряженное, действия партизан невыносимо усиливаются. Сохранять движение с переключением больше невозможно, так как железнодорожные линии подвергаются нападению партизан. Все узловые вокзалы переполнены из-за невозможности использования линий. В связи с большим притоком эшелонов с фронта и частым нападением партизан поездка приходится задерживать на линиях. Число негодных паровозов все увеличивается. Многие паровозы очень сильно повреждены минами».

Удары партизан по вражеским коммуникациям проводились в оперативном взаимодействии с командованием наступающих войск Советской Армии. Это во многом предопределяло успех диверсий. Так, когда войска 1-го Белорусского фронта вышли на берег реки Сож и завязали бои за Гомель, боль-

шую роль в успехе операции сыграл полный вывод из строя железной дороги Гомель — Брест. Враг был лишен возможности своевременно подбрасывать подкрепления, боеприпасы, маневрировать. Большая заслуга в нарушении коммуникации на этом участке фронта принадлежит подпольному Полесскому обкому партии. Он создал сильные партизанские отряды, которые взорвали много мостов на этой дороге. До самого прихода Советской Армии партизаны не пропустили по этой дороге ни одного поезда.

Таким образом, в 1943 и 1944 годах советские партизаны сильными ударами по коммуникациям противника нанесли гитлеровским армиям ощутимый урон в живой силе и технике, отвлекли с фронта значительные силы и средства для обороны путей сообщения.

Вот еще некоторые примеры действий белорусских партизан в завершающий период очищения от гитлеровцев советской земли. Так, за три дня до начала наступления советских войск в Белоруссии партизанские отряды по заранее разработанному плану нанесли мощные удары по железным дорогам. В результате этих ударов полностью было прекращено движение на железнодорожных магистралях Орша — Могилев, Молодечно — Полоцк, Молодечно — Лида, Барановичи — Осиповичи, Барановичи — Минск и других. Некоторые участки железных дорог были выведены из строя вплоть до прихода Советской Армии.

Бывший гитлеровский полковник Герман Теске писал о действиях белорусских парти-

зан: «В ночь перед общим наступлением русских на участке группы армий «Центр», в конце июня 1944 года, мощный отвлекающий партизанский налет на все важные дороги на несколько дней лишил немецкие войска всякого управления. За одну эту ночь партизаны установили около 10,5 тыс. мин и зарядов, из которых удалось обнаружить и обезвредить только 3,5 тыс. Сообщение по многим шоссейным дорогам из-за налетов партизан могло осуществляться только днем и только в сопровождении вооруженного конвоя...» Красноречивое признание!

Боевые действия партизан на коммуникациях немецко-фашистских армий оказали большую помощь советским войскам в разгроме гитлеровских захватчиков.

В Полесье, как и на всей территории Белоруссии, с первых дней оккупации советские патриоты по призыву Коммунистической партии развернули ожесточенную партизанскую борьбу с немецко-фашистскими захватчиками. Партизаны громили тылы и обозы фашистских частей, истребляли вражеских солдат и офицеров, нарушали связь, уничтожали запасы материальных средств, доставляли советскому командованию важные сведения.

Исключительно большое значение имели действия партизан по подрыву поездов, рельсов, разрушению мостов и других железнодорожных сооружений. Для этой цели выделялись многочисленные специально подго-

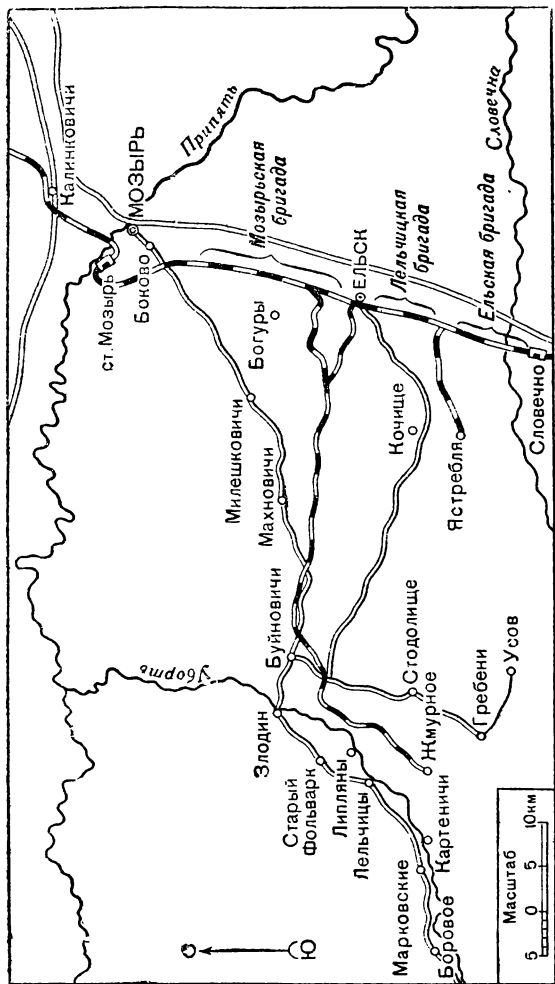
товленные диверсионные группы и отряды. Невиданный размах приобрела борьба в тылу противника во время «рельсовой войны».

В конце июля из подпольного Полесского обкома ВКП(б) был получен приказ за подписью первого секретаря обкома и командира партизанского соединения Ивана Дмитриевича Ветрова. Перед партизанами ставились задачи: не дать фашистам возможности восстановить железнодорожную магистраль Коростень — Мозырь, взорвать полотно на участке от города Мозырь до станции Слоечно. Партизаны тщательно подготовились к этой операции: произвели широкую разведку, уничтожили некоторые полицейские участки и комендатуры.

В этой операции участвовали партизаны Лельчицкой бригады, которой мне пришлось командовать, Ельской бригады под командованием Антона Мищенко и Мозырьской бригады под командованием Александра Жильского. Все эти подразделения входили в состав Южноприпятского соединения, которое в свою очередь подчинялось Полескому соединению партизан Белоруссии.

Мозырьская партизанская бригада получила задачу вывести из строя железную дорогу на участке Мозырь — Ельск, Лельчицкая и Ельская бригады — на участке Ельск — Богутичи — Слоечно (см. схему).

О том, как велась подготовка к этой операции, какие события предшествовали выходу партизан Лельчицкой бригады на железную дорогу и как был проведен первый боевой выход, и рассказывается ниже.

Район действия Южноприпятского партизанского соединения и участки железной дороги, предназначенные для подрыва бригадами

Полесье! Многие украинские и белорусские партизаны знают этот замечательный по своей красоте обширный край. Особенно хорошо здесь летом. По заливным берегам красавицы Припяти раскинулись зеленые луга. На темном фоне сосен выделяются светло-зеленые березы. Трепетные осины, пронизанные лучами солнца, всегда беспокойно ведут о чем-то таинственный разговор. В мирное время в тихие летние вечера здесь вольно лились чудесные песни полесских юношей и девушек.

Полесье прославилось партизанским движением еще в годы гражданской войны. Здесь партизаны воевали с бандами Булах-Булаховича и польскими шляхтичами.

В годы Великой Отечественной войны Полесье всегда было надежной базой многих партизанских соединений и отрядов Украины и Белоруссии. Лесной массив, который знал много партизанских тайн, хорошо скрывал народных мстителей, был для врагов Советской страны могилой. Полесье поэтому было у гитлеровцев на особом счету.

Вооруженные до зубов карательные экспедиции фашистов пытались установить здесь «новый порядок». Однако все их замыслы разбивались о стойкость партизан. Как только на территорию Белоруссии вторглись гитлеровцы, в оккупированных районах области начали активно действовать партизанские отряды, организованные обкомом партии в первые дни войны.

В июле 1941 года в Полесской области были уже созданы десятки первичных и районных подпольных организаций, 19 партизанских отрядов и 17 диверсионных групп, которые прошли специальную подготовку. Партизанские отряды и диверсионные группы создавались из партийного, советского, комсомольского и колхозного актива, из рабочих, колхозников и интеллигенции. В лесах были созданы партизанские базы с оружием, боеприпасами, продуктами питания и обмундированием.

Для ведения диверсионной и разведывательной работы в тыл врага были направлены десятки стойких коммунистов. Руководили партизанским движением и подпольной партийной работой на оккупированной территории секретари райкомов КП(б)Б, председатели райисполкомов, ответственные работники областных и районных организаций.

Всюду, куда бы ни вступали вражеские полчища, разворачивалось могучее партизанское движение, принявшее с самого начала характер организованной борьбы народных масс. Все мужчины и женщины, которые могли держать оружие в руках, шли в партизанские отряды.

В конце 1942 и в начале 1943 года партизанское движение в южноприпятских районах белорусского Полесья приняло массовый характер. В то время были уже известны героические дела Ельской партизанской бригады под командованием стойкого коммуниста Антона Миценко. Боевую славу завое-

вали также партизаны Мозырской бригады, которой командовал Александр Жильский. Для организации партизанского отряда в Туровском районе из Лельчицкой бригады была выделена группа партизан, которую возглавил П. Г. Прасолов.

В южноприпятской зоне белорусского Полесья часто располагались украинские соединения партизан. Так было и летом 1943 года. На берегу реки Уборть, притока Припяти, недалеко от деревни Боровое, в густом сосновом лесу находилось украинское соединение партизан А. Ф. Федорова. В один из июньских дней комиссар этого соединения Н. И. Дружинин, большой души человек, который много помогал местным белорусским партизанам, принял в штабной палатке меня, как командира Лельчицкой партизанской бригады, и комиссара Р. Л. Лина. Разговор шел о положении в районе действий партизан, о гарнизоне гитлеровцев в местечке Скрыгалово.

Дело в том, что диверсии на железной дороге всегда были в центре внимания народных мстителей. А это местечко как раз расположено на берегу реки Припять, вблизи тех мест, где удобнее и легче было переправляться, чтобы попасть к железнодорожным магистралям Брест — Гомель и Мозырь — Коростень. Сосредоточившись в Скрыгалово, гитлеровцы и их подручные — полицейские у переправ и на дорогах, которые вели к этим магистралям, часто устраивали засады, нападали на подрывников. Поэтому мы предложили Дружинину провести совместную опе-

рацию по уничтожению этого гарнизона, и он охотно согласился.

Началась тщательная подготовка. Партизаны разрушили телеграфную и телефонную связь между Скрыгаловом и Мозырем, произвели разведку. В назначенный день вечером два наших небольших отряда под командованием начальника штаба бригады Парфена Гончарова и усиленный, хорошо вооруженный батальон федоровцев под командованием Героя Советского Союза В. А. Балицкого подошли к деревушке Могильное, что в 10 километрах от Скрыгалова. В пути к ним присоединился один отряд Мозырьской партизанской бригады.

По Скрыгалову готовился внезапный удар. Начало штурма назначили на два часа ночи. Недалеко от Скрыгалова отряды встретились с разведчиками нашей бригады. Они доложили Гончарову и Балицкому о том, что в местечке находится до батальона гитлеровцев и полицейских, вооруженных автоматами, пулеметами и минометами. Кроме того, в 35 километрах, в городе Мозырь, расположен мотопехотный полк, который в любую минуту может быть переброшен в Скрыгалово на помощь гарнизону.

По приказу Гончарова и Балицкого разведчики повели отряды на исходные позиции, и к двум часам ночи партизаны без единого выстрела незаметно пробрались на окраину местечка. Недалеко от полицейских казарм они натолкнулись на вражескую заставу. Завязалась перестрелка, начался бой.

Гитлеровцы и полицейские не ожидали

нападения. Они выскакивали из казарм, бежали к дзотам, открывали ответный огонь. Особенно яростно отбивались фашисты, засевшие в подвале каменной церкви.

На этот участок была выдвинута ударная группа под командованием белорусского учителя-партизана Сергея Ермака. Десять храбрцев, прижимаясь к земле, ползли к церкви. Но вот справа появились фашисты. Размышлять о том, как зашли они сюда, было некогда. Рослый гитлеровец, коверкая слова, крикнул:

— Русь!.. Партизан! Хенде хох!

Лежавший впереди всех Ермак метко бросил гранату. Раздался взрыв. Шесть фашистов были убиты. Из винтовок и автоматов партизаны открыли огонь по оставшимся в живых гитлеровцам.

Но из подвала церкви по-прежнему строчил пулемет. Ермак немного приподнялся, хотел что-то крикнуть, но вдруг неуверенно взмахнул над головой рукой и упал. Пытаться уничтожить огневую точку в церкви не имело смысла: основная задача уже была выполнена. Партизаны убили до пятидесяти полицейских и гитлеровцев.

Бой утих. Начало светать. Поступила команда отходить. В это время связные сообщили, что застава, которая контролировала широкую грунтовую дорогу Скрыгалово — Мозырь, завязала бой с частью, следовавшей из Мозыря в местечко на подкрепление гитлеровцам.

Партизаны-смельчаки под командованием бывшего моряка Гавриила Федоровича за-

легли на окраине кладбища, упорно отражая натиск врага и прикрывая отход основных отрядов партизан из Скрыгалова.

Стойко дралась горстка белорусов и украинцев, сдерживая натиск фашистов. Тогда гитлеровцы открыли минометный огонь по заставе. Решив, что она уничтожена, фашисты начали обстреливать партизан, отходивших из Скрыгалова. Но в этот момент застава снова ожила. Бой затянулся.

Впереди, среди небольших сосен, партизаны установили на тачанке станковый пулемет. Фашисты намеревались окружить героев. Федорович приказал пулеметчику подпустить гитлеровцев как можно ближе и тогда открыть огонь. Застрекотал пулемет. Цепь фашистов редела, но те, кто уцелели, бежали прямо на Федоровича. Он хотел отползти назад и почти рядом увидел Николая Янковца и Аню Шилюк.

— Отходите! — крикнул Федорович.

Партизаны начали отползать, вскоре тронулась и тачанка. В этот момент воздух разрезал неистовый свист и около Федоровича разорвалась мина. С воем взметнулись в воздух комья земли. Аня как-то странно взмахнула руками и упала. Янковца отбросило в сторону и сильно оглушило. Когда он пришел в себя, то увидел Аню: лицо ее было в крови. Николай с трудом подполз к ней, осторожно взвалил на плечи и понес к опушке леса.

В кювете остался один Федорович. Раненый в ногу и руку, он пытался встать, но невыносимая боль притянула его к земле. Он

с трудом пополз в сторону болота. Метрах в двадцати из-за сосен показался фашист. Федорович, преодолевая боль, хотел вскинуть автомат, но руки не слушались. Кругом кусты — плотная, дремучая чаща. «Если и придут на помощь, будет поздно», — подумал он. Над головой рыщут проворные пули автоматчика. Федорович с трудом дотянул ослабевшую руку к спусковому крючку. Вот одна, другая очередь, и фашист валится на землю. Федорович прополз еще несколько метров и потерял сознание.

Через несколько минут он очнулся. Голова ныла и от боли казалась тяжелой. Он оглянулся и увидел следы крови. «Это моя кровь, — подумал Федорович. — Я, я еще... Один я тут». И снова уткнулся лицом в мокрый мох.

Прохлада немного освежила. Федорович взял автомат, вдавил локтями мягкую, как тесто, болотную землю и тяжело пополз к воронке. Вдруг он услышал, что по болоту кто-то идет. Свои?.. Спасенье?.. Раненый напряженно прислушивался. Хлюпающие звуки слышались все ближе. И тут он увидел гитлеровца с автоматом на шее.

Еще тяжелее стало на сердце: добьет фашист сейчас. Все равно умирать... Нет, не все равно. Гитлеровец уже рядом. Федорович затаил дыхание. Фашист остановился, переступил с ноги на ногу, видимо, задумался.

Федорович приподнялся. Автомат лежал рядом. «Сейчас я тебе... — еле слышно проговорил он. — Еще посмотрим». Потом взял автомат, с трудом прижал к щеке приклад.

Целился долго. Мушка дрожала, и установить ее было трудно. Очередь оглушила партизана. Он увидел, как гитлеровец качнулся и повалился на спину.

Федорович подполз к воронке, опустил голову в воду. Напился. Почувствовав себя крепче, пополз дальше.

Полз он очень долго. Не раз терял сознание, но как только приходил в себя, одна мысль овладевала им: «Жить... жить...» Федоровича нашли партизаны у самой кромки болота.

После выздоровления он снова встал в боевые ряды народных мстителей. Жаль, что этому прекрасному, храброму человеку, который много сделал в подготовке к «рельсовой войне» и в ходе самой «рельсовой войны», не довелось увидеть полный разгром гитлеровцев. В 1944 году в одном из боев он погиб.

...Отряд остановился на привал около деревушки Могильное. В бою под Скрыгаловом многих ранило. На подводах лежали убитые. Вырыли братскую могилу и с почестями похоронили Аню Шилюк, Сергея Ермака и других. Нельзя не рассказать об Ане и Сергее — славных партизанах, проявивших себя в период становления отряда, в его первых операциях и в подготовке к «рельсовой войне».

Ане Шилюк было около тридцати лет. Она не отличалась красотой, но в ее серых задумчивых глазах чувствовалась сила, уверенность, придававшие ее лицу необыкновенную привлекательность. За что ни бралась Аня,

все делала обстоятельно. Умела она и с людьми ладить, сердцем каждого понимала.

За несколько дней до войны Аня с мужем Петром собрались ехать к родным в гости в Минскую область. Но неожиданно грянула война. Вскоре немецко-фашистские войска оккупировали район. Гитлеровцы жестоко расправлялись с советским мирным населением: вешали и убивали ни в чем не повинных людей, не щадили детей, женщин и стариков.

Пепел, смерть, кровь и слезы — вот что принесли фашистские изверги. Это ожесточало людей, заставляло их искать пути борьбы с врагом.

Петр и Аня, как и многие советские патриоты, не один раз говорили о создавшейся обстановке. Ходили слухи, что неизвестные люди из леса нападают на отдельных солдат и небольшие группы врага. Петр и Аня решили искать этих неизвестных людей, чтобы вместе с ними бороться с оккупантами, чтобы мстить им за горе и муки, причиненные советским людям, за поругание родного края.

В первые дни войны небольшой тогда партизанский отряд попал в трудное положение. Вскоре Петр был тяжело ранен, и его вместе с другими партизанами решили оставить в глухом селе под присмотром верных людей, а отряд отправился в глубину Полесья. Пришлось Ане разлучиться с мужем.

Весной 1942 года отряд снова вернулся в то село, где оставались раненые. Радостное волнение охватило Аню в ожидании встречи с Петром. Неожиданно показались черные

силуэты хат, слышались голоса. Это были партизаны.

— Где Петр? — спросила она.

— В хате напротив, — указали ей.

Вмиг спрыгнула с повозки, вбежала в хату. В углу, на топчане, лежал Петр.

— Жив, мой родной, — обнимая мужа, говорила Аня.

— Жив, жив, Аннушка. Месяц назад мы пошли навстречу вам и нарвались на засаду. Перебили немало фрицев, но опять, видишь, пришлось вернуться в село.

Аня посмотрела на ноги Петра, обвязанные холстом, нагрела воды в печи и перевязала мужу раны чистыми полотенцами.

Заскрипела дверь, вошел командир отряда Лишефаев, поздоровался с Петром и сказал Ане:

— Оставайтесь сегодня здесь, я пришлю вам троих партизан. Мы будем в соседнем селе, завтра встретимся.

Когда трое партизан и Аня с мужем крепко заснули, в ночной тишине вдруг раздались выстрелы, зазвенело и посыпалось на пол стекло. Пулеметные очереди прошили хату. Все, кто были в горнице, вскочили и открыли огонь. К дому приближались каратели.

Аня схватила Петра под руки, хотела оттащить от окна, но Петр поднялся на локтях и попросил жену подать автомат.

— Будем обороняться, не сдадимся гадам!

До последнего патрона отстреливались партизаны. Вот уже упал один из них, стукнув винтовкой об пол. За ним другой. Петр, рас-

стреляв все патроны, пополз в сени, слышался его тяжелый стон.

Едкий дым заполнил хату.

— Петр, Петр, подожгли нас! — крикнула Аня и бросилась к мужу, но он не откликнулся. Когда Аня зажгла спичку, она заметила на груди Петра темное пятно.

Возле умирающего мужа и застали ее ворвавшиеся в избу гитлеровцы. Среди них было несколько полицейских.

Один из них грубо схватил Аню и отшвырнул ее в сторону. Потом сказал:

— Собирайся, поедешь с нами. Будешь знать, как партизан принимать да молочком угощать.

И он показал глазами на кринку молока, стоявшую на столе.

— Заехали, что я могла сделать? — ответила Аня, поняв, что гитлеровцы принимают ее за хозяйку хаты.

На улице стояло несколько подвод. Аню бросили в повозку. «Привезут в район, там сразу узнают, что я партизанка, и повесят, — думала Аня. — Надо бежать!»

Узенькая дорога завернула в густой кустарник, лошади пошли тише. Партизанка выскочила из повозки и на глазах у ошеломленных фашистов юркнула в лес.

Прогремели выстрелы. Гитлеровцы поехали дальше: в лес идти они побоялись...

До Скрыгаловской операции Аня не участвовала в боях, ходила взрывать рельсы. А вот теперь ее не стало.

Сергей Ермак остался в тылу врага по заданию партии. До войны он работал учите-

лем в Руднищанской начальной школе, несколько раз избирался секретарем сельской комсомольской организации.

Вот что он писал в своем дневнике: «Ноябрь, 1941 год. Сейчас райцентр стал неузнаваемым: немецкая речь на улицах, гитлеровский флаг над горсоветом. Перед школой нет больше легкой фигурки пионера-горниста. Там стоит виселица. Вторая виселица — у хлебной лавки.

Наши соседи всей семьей ушли в деревню, но через два дня вернулись обратно. Говорят, что в селах еще хуже.

Поселок облетела тревожная весть: начинается вербовка на работу в Германию. Немцы в больших объявлениях на стенах полицейского управления и комендатуры сулят хорошую работу с оплатой по тарифу и чистые квартиры, обещают всех тепло одеть и дать продуктов на дорогу. Это ложь! Я встретил девушку, которая была завербована на работу в Германию, но из-под Бреста бежала. Она рассказывала, что в вагоны их набили по 80 человек. Люди голодали. На одной станции в вагон бросили сырой картофель и свеклу. У большинства началась дизентерия. Мертвых и тяжелобольных гитлеровцы на остановках выбрасывали.

...Сегодня ночью на площади появилась еще одна виселица, а утром всем приказали собраться возле нее. За ночь выпал снег. Он белым пухом лег на перекладину виселицы. Из комендатуры вывели женщину. Два фашиста подгоняли ее прикладами. Она прошла близко от меня: смуглое без кровинки

лицо, глубоко запавшие глаза, рваное платье, выбившиеся из-под платка волосы. И самое страшное — руки. Я никогда не забуду их: распухшие, с кровавыми рубцами от только что снятых веревок.

Женщину поставили на скамейку и сразу набросили на шею петлю. На площади было тихо. Я слышал ее последние слова:

— Товарищи! Крепитесь!

Эсэсовец выбил у нее из-под ног скамейку, а потом два раза потянул за ноги. Эта женщина — мать двух сыновей: один — в партизанском отряде, другой — на фронте.

Кругом горе, несчастье. У всех одна мечта, одна надежда — партизаны. Партизаны действуют. Повсюду следы их боевых дел: взорванные машины, свежие кресты на гитлеровских могилах».

... 10 марта 1943 года мы в небольшом селе Липлянах. Рано утром, когда все еще спали, пришли из соседнего села несколько крестьян. Это село заняли гитлеровцы. В лапы к ним попали двое партизан. Надо спешить на выручку.

Командир решил атаковать село, уничтожить охрану и попытаться спасти товарищей. К вечеру выехали из деревни. Хлопьями падал сырой снег. Дорогу замело. Но наши провожатые хорошо знали путь, и перед рассветом мы остановились в полукилометре от занятого фашистами села. Разведчики донесли, что на подступах к селу не видно ни одного сторожевого поста.

Резервную группу оставили на поляне, а сами двинулись к селу. Сигнал к атаке —

красная ракета. Наш пулеметный расчет получил задание — охранять шлях. Забрались в ложбинку на обочине дороги. Ждем. Со мной семнадцатилетний Федор Овсянник, впервые участвующий в операции. Совсем недавно он учился в ремесленном училище в Мозыре. Неожиданно пришло письмо из дому: умер отец. Мать скончалась раньше. Приближались фашисты. Поезда не ходили. Федя пешком добрался до родных мест, прожил в пустой хате три дня, походил по знакомым местам и, встретившись с нами, пристал к отряду.

Над селом взвилась ракета. Взрывы гранат, крики. Началось! Мы всматриваемся в темноту, приготовив пулемет к бою. Откуда-то сбоку выскакивают два гитлеровца на конях. Пулеметная очередь — и шлях снова пуст. Операция была проведена дерзко и быстро. Гитлеровцы и полицейские были уничтожены. Пленных партизан удалось освободить. Мы трогаемся в обратный путь...

Так в боевых буднях формировались и росли стойкие ряды партизан в глубинах Полесья. Мужали, набирались опыта ведения войны в тылу врага народные мстители.

СЛОВО ЗА РАЗВЕДЧИКАМИ

Партизаны с каждым днем усиливали борьбу. Горела белорусская земля под ногами фашистов. То там, то здесь летели под откос поезда с гитлеровскими солдатами и техникой. Подрывались на шоссе-

ных дорогах автомашины. Нигде не было фашистам покоя. От самой линии фронта и до западных пределов Белоруссии сплошной полосой во всех направлениях действовали партизанские отряды.

Большую массовую работу вели политработники. В Ельской, Лельчицкой и Мозырской бригадах издавались газеты для населения, их печатали в походной типографии. Эти газеты пользовались среди крестьян большой популярностью. Они доносили до них слово большевистской правды. Выпускались листки об уборке урожая — о том, как надо хлеб убрать, чтобы он не достался фашистам. Печатались сводки Совинформбюро. Прослушав по радио сообщения о новых крупных боевых победах на фронте, коммунисты сейчас же уходили в села проводить беседы с населением.

Эта тесная связь с народом давала свои плоды. Так, один только небольшой наш отряд за два месяца боевых действий увеличился на 120 человек. Однажды пришел к нам молодой паренек. Гитлеровцы убили его отца, он решил отомстить за него. Часто к нам приходили истощенные, измученные люди — беглецы из лагерей военнопленных. В белорусских лесах много было действующих отрядов, почти целиком сформированных из бывших военнопленных. Такие отряды — гроза для фашистов.

В каждом селе у нас было много друзей. Часто отряды применяли широкий маневр: переходили из одного района в другой, чтобы застигнуть гитлеровцев врасплох, нанести

им удары в наиболее уязвимое место. И всегда в таких случаях мы находили верных проводников. Местные жители, не страшась угроз фашистов, вели нас потайными лесными тропами.

Немцы регулярно посылали против нас карательные отряды. Для этого использовали подчас крупные войсковые части. Но они несли огромные потери и не имели успеха.

Вот один из многочисленных случаев. Немцы обложили лес в урочище Мижулища и пошли в наступление. Укрывшись на болоте, мы обстреляли их. Каратели открыли огонь из миномета, пулеметов, автоматов и винтовок. Но нас уже и след простыл. Когда им казалось, что с партизанами покончено, мы атаковали их с другого направления. Эта маневренная борьба в глухих лесах и болотах Полесья продолжалась в течение нескольких дней. Понеся большие потери, гитлеровцы отступили. В отместку за поражение они решили наказать непокорных полешуков. Сожгли дома, угнали скот.

Собрав жителей села Дуброва, фашистский офицер объявил:

— Партизанам капут. Вы видите, что не они, а мы хозяева здесь. Наши солдаты забрали у вас скот, а ваши защитники ничего не смогли сделать...

На другой день после этого партизаны угнали из-под самого носа гитлеровцев весь скот, отнятый ими у крестьян.

Успешные боевые действия партизан, их большая агитационная работа вселяли в со-

ветских людей, оставшихся на временно оккупированной территории, уверенность в победе над немецко-фашистскими захватчиками. Все больше и больше людей из сел и городов уходили в леса. Росли отряды народных мстителей. Появилась настоятельная необходимость создать центр по руководству партизанским движением в южных районах белорусского Полесья. Для этого в начале лета 1943 года сюда прибыл уполномоченный Полесского областного комитета партии Николай Петрович Беленчик. Он был непосредственным организатором Южноприпятского соединения партизан.

В конце июля 1943 года штаб соединения расположился в Лельчицкой партизанской бригаде, в больших палатках из парашютов, в густом дубовом лесу на берегу реки Уборть, в урочище Белые берега.

Однажды утром к Беленчику срочно вызвали командира группы разведчиков нашей партизанской бригады Костю Чурилова. Когда он вихрем влетел в палатку, то увидел там еще нескольких разведчиков из других бригад. На Косте была надета кожаная куртка немецкого покроя, перепоясанная крест-накрест ремнями, лихо сдвинута на затылок фуражка с яркой широкой алой партизанской лентой. В руке Костя держал плетень. Все это придавало ему вид бывшего партизана.

Разведчики сидели на пеньках, чурбаках, грубо сколоченных длинных скамейках и внимательно слушали Беленчика.

— Как видите, нам приказано выполнить

особое, очень серьезное задание,— говорил он.

Чурилов хотел было по всем правилам доложить о прибытии и уже поднял правую руку, но Беленчик жестом остановил его:

— Присаживайтесь, товарищ Чурилов.— И тут же спросил:— Ваши разведчики готовы сегодня ночью выйти на задание?

— Готовы, Николай Петрович.

— Вот и хорошо. Теперь послушайте, какая перед нами трудная задача. Необходимо срочно и детально разведать, как охраняется гитлеровцами железная дорога от города Мозыря до станции Ельск. Фашисты начали восстанавливать этот участок магистрали и сейчас усиленно его охраняют. Данные о работе на участке дороги Ельск — Словечно нами уже получены. Срок выполнения задания — три дня. Понятно вам, товарищ Чурилов?

— Понятно, Николай Петрович!

— Вот и хорошо. Действуйте.— Беленчик протянул руку Чурилову, тепло и ласково посмотрел ему в глаза и добавил: — Подробности вечером. Береги, Костя, людей.

Направляясь к себе в землянку, Чурилов пытался разобраться в сложности тех чувств, которые вызвала краткая беседа с командиром соединения о новом задании. Смешались воедино и гордость за порученное большое дело, и тревога, от которой сильно билось сердце. Воображение живо рисовало картины предстоящего похода в разведку.

В землянке Чурилова ждали разведчики. Михаил Иванович Роднюк, бывший моряк

Днепровской флотилии, издали увидев Чурилова, швырнул в сторону папиросу. Выцветшие его брови приподнялись, глаза заблестели в ожидании приказа. Подошли и остальные партизаны.

— Задание получили! — сообщил Чурилов. — Все готовы?

— Готовы, — за всех ответил Роднюк.

В разведывательной группе Чурилова было семь проверенных, отлично зарекомендовавших себя комсомольцев. Среди них — всегда веселый и жизнерадостный Николай Янковец, на редкость выносливый, степенный, коренной полешук Алексей Колас, никогда не унывающий Миша Роднюк и другие...

— Константин Иванович, скажи, а про нас командир спрашивал? — донимал Чурилова Роднюк.

— Конечно. Спросил про всех. Приказал хорошо подготовиться и сегодня ночью в путь.

Никсму из партизан не сиделось на месте, и они уже в который раз стали приводить в порядок оружие: проверили и смазали пистолеты, протерли автоматы, снова перебрали и уложили все необходимое в сумки и мешки.

Сгустились сумерки. Провожали группу Чурилова комиссар бригады Роман Лукьянович Лин, Николай Петрович Беленчик, начальник штаба соединения Петр Аудейчик.

Путь разведчиков лежал сначала по широкой грунтовой дороге, затем лесом мимо деревни Липляны до большого села Буйновичи. На рассвете партизаны подошли к деревушке

Крупка и оттуда решили направить Роднюка на разведку в Буйновичи. Он должен был узнать у своих людей, сколько в Буйновичах немецких солдат и полицейских, и ждать прихода группы в условленном месте.

Когда разведчики пришли к месту встречи с Роднюком, то его там не оказалось. Чурилов встревожился. Он еще раз проверил, это ли место встречи. Извилистая речушка. «В чем же дело, что случилось с Роднюком?» — думал Чурилов.

Перейдя топкое болото, разведчики остановились на небольшом островке, чтобы отдохнуть. Утром пошел назойливый, мелкий дождь. Он пробивал насквозь свитки и струйками стекал по спине.

«Как же найти Роднюка?» — думал Чурилов.

Неожиданно со стороны Буйновичей слышалась ружейная стрельба. Выстрелы приближались. Чурилов знал, что недалеко проходит грунтовая дорога Буйновичи — Стодоличи. Разведчики быстро пробрались к ней, залегли в густом кустарнике и стали наблюдать.

Из-за поворота показалась подвода. Тощая лошаденка с трудом тянула повозку. И какво было удивление партизан, когда они увидели Роднюка, сидящего на телеге! Он был в каком-то зеленом кителе и по-хозяйски правил лошадью. Чурилов подал сигнал и вместе с Руданом выбежал на дорогу. От неожиданности Роднюк чуть подался назад и схватился за автомат.

— Миша, Миша! — крикнул Чурилов.

Роднюк выпрыгнул из повозки и бросился к товарищам. А когда разведчики, обрадованные, окружили его, он поднял над головой автомат и не то шутя, не то серьезно произнес:

— Приветствую вас на свободной земле! Операция прошла удачно!

Ни на один из вопросов он не отвечал, а только отшучивался:

— Был в гостях у гитлеровцев. Выпили по-немецки, а закусить я дал по-русски. В общем, на привале я все вам расскажу.

Партизаны свернули в лес на поиски более безопасного места, где можно было бы провести день. Наконец выбрали место для отдыха. Роднюк первым снял с повозки свой вещмешок, присел на корточки около сосны и начал скручивать сигарку. К повозке подошел Рудан. Он поднял рюкзак и вскрикнул:

— Братцы, да здесь трофеи!

Все бросились к повозке. Под сеном лежали пуда на три боровок и три винтовки.

Как выяснилось, Роднюк побывал в Буйновичах и узнал, что гитлеровцев и полицейских там нет: все они выехали в деревню Злодин грабить население. Возвращаясь к условленному месту встречи с товарищами, Роднюк увидел пьяных полицейских. Двое из них ехали на повозке и один верхом.

— Подошел я леском к дороге,— рассказывал Роднюк,— и стал наблюдать. Когда они подъехали ближе, слышу верховой хвастается: «Я двух комиссаров расстрелял. Отплатил им за своего отца и за себя отплатил». Ах ты, думаю, гадина. Погоди ж ты.

Когда полицейские поравнялись со мной, первой очередью я уложил тех, что на повозке сидели, а второй — верхового ссадил. Вот тебе, гад, за тех двух комиссаров!

У верхового Роднюк вынул документы. Это был некий Грищенко, отбывал срок, освобожден, был взят в армию, но в первые дни войны сдался в плен немцам.

Удача Роднюка прибавила силы разведчикам. Они продолжали путь к железной дороге. Днем шли только лесом, на дороги не выходили. К вечеру достигли деревни Милешковичи. Здесь они решили, что Чурилов, Янковец, Роднюк и Алексей Колас ночью выйдут на разведку в сторону железной дороги. Рудан же, Козак и Сидельников соберут сведения о ближайших полицейских участках. Чурилов обещал вернуться с группой в 12 часов следующего дня. Роднюк, уходя, сказал оставшемуся за старшего Ивану Козаку:

— Жди нас, Ванюша, с подарками.

Путь до железной дороги был трудным. Почти все 12 километров разведчики пробирались через лесные заросли. Они двигались параллельно грунтовой дороге, ведущей в Мозырь. Только к двум часам ночи они вышли на окраину деревни Бобры, расположенную в шести километрах от дороги. Начало светать. Подошли огородами к первому домику. Послышался лай собак. Партизаны двигались на расстоянии десяти метров друг от друга. Роднюк подобрался к дому первым и, убедившись, что никакой опасности нет, подал сигнал Чурилову. Алексей

Колас остался прикрывать их со стороны огорода. Лай собак усиливался. Медлить было нельзя. Чурилов постучал в окно. Прошла минута, другая... Никто не ответил. Еще раз постучал. Звякнула щеколда, и на крыльцо вышла старушка.

— Бабушка, как пройти к железнодорожной станции? — шепотом спросил Чурилов.

Старуха заохала и, подозрительно посмотрев на партизан, проговорила:

— Я-то, диткы, добре не знаю. Николы я там не була. Но, кажуть, що треба иты цим шляхом.

— Бабуля, а партизаны здесь есть? — еще ласковее спросил Роднюк.

— Що це, диткы, вы кажете? — переспросила старуха, словно не понимая, о чем ее спрашивают.

— Партизаны, партизаны, говорю, бабуля, здесь есть? — повторил Роднюк.

— Цього я не знаю, диткы, и вы мене не пытайте.

— А полицейский участок, бабуля, в каком доме находится?

— О тут, дома четыре в сторону школы, — ответила старуха и пристально посмотрела на партизан.

Не успели разведчики дослушать старуху, как недалеко от дома кто-то выстрелил из винтовки, затем донесся гул машин.

— Диткы, тикайте, бог вам на помощь, — бросила старуха и захлопнула дверь.

Партизаны отползли на опушку леса, решив выяснить обстановку. Вскоре увидели свет фар машин. Стрельба усиливалась. На

окраине высоко в небо взметнулись языки пламени.

— Костя,— тронув за рукав Чурилова, вполголоса окликнул Роднюк,— видишь?

Напряженно всматриваясь в ночную мглу, Чурилов заметил, что сквозь кусты в их сторону пробирается человек. Разведчики поняли: кто-то прячется от гитлеровцев. Незнакомец обогнул небольшую поляну и пошел прямо на партизан.

— Стой! — крикнул Роднюк.

Незнакомец упал на землю.

— Не подходи, бросаю гранату,— раздался детский голос.

— Ты из деревни?

— Не подходи, сейчас же брошу гранату,— неумолимо звучал мальчишеский голос.

— Мы — партизаны. Иди сюда,— вешая на плечо автомат, сказал Роднюк.

— Дядя! — неожиданно крикнул мальчик и бросился прямо к разведчикам.

— Ты куда бежал? — спросил Чурилов.

— В лес, к вам, дядя,— запыхавшись, ответил мальчик.— Меня зовут Колька! — И он начал рассказывать, что делают в деревне гитлеровцы.

Ворвались они в Боково внезапно. В доме вдовы Анны Барашко все спали. Среди ночи кто-то сильно ударил в раму окна, зазвенели разбитые стекла. От сильного треска Колька вскочил с постели и, когда подбежал к окну, увидел высокого гитлеровца. Фашист что-то кричал на своем языке, затем он выбил оконную раму, зажег фонарик и влез в хату.

За ним следом через окно взобрался и полицейский.

— Выходи на улицу! Партизаны здесь есть?

Мать Кольки начала голосить, заплакала сестренка Анютка, было жутко. Их вывели на улицу. Колька старался не отставать от матери. На руках мать несла маленькую Анютку. Тощий высокий гитлеровец толкал Кольку в спину автоматом. Фашисты согнали всех жителей в центр деревни, к бывшей семилетней школе. На толпу были направлены автоматы. При свете пожара Колька увидел на дороге несколько автомашин и два броневика с пулеметами.

«А что, если они начнут стрелять?» — подумал он. Ему стало жалко и мать, и маленькую Анютку. Он видел, как гитлеровцы подожгли колхозный клуб и детский сад.

«Нужно бежать», — решил Колька и шепнул об этом матери. Она поцеловала его. Выждав удобный момент, Колька ловко перепрыгнул через канаву и бросился к забору. Дрожа от страха, он пролез между жердями забора и, прижимаясь к земле, быстро пополз через огород к лесу. Гитлеровец, заметив исчезновение Кольки, что-то прокричал и в сторону огорода дал автоматную очередь. Другие гитлеровцы тоже что-то кричали и стреляли из автоматов, но Колька уже был за сараями.

...И вот он среди партизан. Из его рассказа стало ясно, что гитлеровцы готовятся к расстрелу жителей деревни. Нужно срочно действовать.

— Ударить нужно по ним! — предложил Роднюк.

— Подожди, Миша, — сказал Чурилов. — Нужно хорошенько обдумать наши действия. Ведь в деревню не полезешь...

Колька стоял около Чурилова и жадно прислушивался к разговору. Неожиданно он проговорил:

— Дядя, я пойду с вами!

— Конечно, пойдешь, — ответил Чурилов.

Посоветовавшись, разведчики решили огородами пробраться ближе к улице и неожиданно обстрелять гитлеровцев, чтобы вызвать у них панику. Так и сделали. Быстро приблизившись к домикам, они с трех сторон открыли огонь, бросили по гранате. Перепуганные гитлеровцы, беспорядочно отстреливаясь, начали удирать. Разбежались и жители. Колька, увидев, что фашисты поспешно отходят, тоже бросился бежать.

— Ты куда, Коля?! — крикнул Чурилов.

— Я к маме, — ответил он и скрылся за сараями.

...Утром партизаны узнали, что ночью гитлеровцы все же расстреляли нескольких жителей деревни, в том числе и мать Кольки.

В этой деревне партизаны узнали о восстановительных работах на железной дороге на участке от Мозыря до Ельска. А чтобы проверить эти данные, разведчикам пришлось потратить еще одни сутки. Было установлено, что гитлеровцы усиленно охраняют дорогу.

На рассвете партизаны отошли километров на пять в лес и весь день поочередно отдыхали и сушили одежду. А вечером на-

правились в обратный путь на встречу с группой, оставшейся в Милешковичах.

Под вечер следующего дня в двух километрах от Буйновичей партизаны встретили в лесу старика. Увидев разведчиков, он очень испугался.

— Немцы здесь облаву делают. Говорят, что нескольких партизан они уже поймали,— сообщил он.

Позднее разведчики узнали, что эсэсовцы и местная полиция преследовали отряд партизан Ельского района, которым командовал Антон Мищенко, и наткнулись на группу, оставленную Чуриловым. Попытки Чурилова найти товарищей были безуспешны. Спустя некоторое время партизаны узнали, что Сидельников убит, а Рудан и Козак попали в Наровлянскую партизанскую бригаду.

В лагерь «Белые берега» Чурилов с разведчиками вернулся в полдень. Он доложил Беленчику, что задание выполнено. Рассказал и о том, как Роднюк уничтожил полицейских и приобрел ценные документы.

— Очень хорошо, Костя. Но то, что ты людей потерял, это тебе большой минус.

— Я уверен, Николай Петрович, что они живы и вернутся в лагерь,— убежденно говорил Чурилов.

— Будем ждать! А сейчас отдохните,— закончил Беленчик.

Чурилов вышел из палатки и сразу встретил Михаила Роднюка и Алексея Коласа.

— Ну что? — почти в один голос спросили они.

— Неважно, — с грустью ответил Чурилов, — за дела похвалил, а то, что ребят нет, сказал — большой минус нам. Приказал отдыхать.

* *
*

В штабе соединения тщательно готовились к «рельсовой войне». Главное состояло в том, чтобы по всему участку железнодорожной магистрали произвести тщательную разведку. Разведка проведена хорошо — считай, полдела сделано.

Уже были получены точные сведения из Мозырьской бригады о работе железнодорожных станций Мозырь, Калинковичи. Партизаны Ельской бригады сообщили данные об охране участка дороги Ельск — Словечно. Необходимо было еще получить сведения о работе крупного железнодорожного узла Коростень и участка дороги Коростень — Овруч.

В Коростень командование решило послать Роднюка, снабдив его документами убитого им полицейского. Когда Беленчик пригласил Михаила к себе, чтобы ознакомить со своим планом, Роднюк улыбнулся и сказал:

— А мы, Николай Петрович, тоже думали об этом.

РОДНЮК В КОРОСТЕНЕ

С начала Роднюк попал в небольшой городок Овруч, расположенный в 35 километрах от партизанской базы. А уж затем

пробрался в Коростень. В город он пришел ранним утром. На железнодорожной станции Коростень стоял воинский эшелон с танками, артиллерийскими орудиями и пехотой. Около каждого вагона — часовые. Гражданское население на станцию не пускали.

Роднюк пошел на рынок. От жителей он узнал, что недалеко от города через реку Уж гитлеровцы восстанавливают железнодорожный мост. Они открыли биржу труда для вербовки рабочих. Сразу созрела мысль: устроиться на восстановительные работы.

У входа на биржу труда стояли два дюжих гитлеровца. В грязном полутемном коридоре было многолюдно, шумно. Мужчины и женщины сидели у стен, некоторые лежали. В конце коридора у огромной двери стояло человек пять мужчин.

— Кто последний? — спросил Роднюк.

— Я буду, молодой человек, — неохотно ответил старичок.

— А без очереди к господину начальнику можно пройти?

Старик не ответил. Роднюк вытащил пачку сигарет.

— Чудесное курево, отец. Попробуй.

— Не курю.

Открылась дверь приемной. Вышел немецкий солдат и громко крикнул:

— Следующий!

Вслед за солдатом из приемной комнаты вышел молодой парень и, не оглядываясь, поспешил на улицу. Роднюк хотел поговорить с ним, но суровый взгляд старика остановил: здесь не место для разговоров.

Подошла очередь Роднюка. Он оказался в просторном кабинете. Проверив документы, фашист осмотрел его с головы до пят и на ломаном русском языке спросил:

— Что будет делат?

— Все могу делать, господин начальник,— ответил Роднюк.

— Нам нужен полиция, корош полиция...

— Хочу строить, господин начальник.

— Корошо.— Гитлеровец бросил взгляд на переводчика, стоявшего рядом. — На всякий случай возьмите этого типа на заметку, когда нужно будет, вызовем его,— скороговоркой сказал фашист.

В приемной переводчик записал Роднюка в книге учета рабочей силы: «Грищенко Григорий Петрович, родился в 1920 г. в деревне Бугень. При коммунистах был осужден. Два месяца назад под Киевом перешел на сторону германских войск. Направляется на восстановление моста».

Роднюку дали справку, в которой было указано, что он через два дня должен явиться на биржу труда.

На этом формальности были закончены, Роднюк направился к выходу. У двери его остановил полицейский:

— Направление на работу имеешь?

— Имею, имею,— ответил Роднюк. В этот момент к ним торопливо подошел старик и протянул полицейскому бумажку, выданную ему переводчиком.

— Мост будем строить, господин,— проговорил старик.

— Проходите! — крикнул полицейский.

Старик незаметно толкнул Роднюка в бок, и они вышли во двор биржи.

— Ты, молодой человек, я вижу, плохо знаешь порядки,— неожиданно для Роднюка сказал старик.— Сюда люди не сами пришли, их полицейские и солдаты пригнали...

Мимо проходил полицейский. Роднюк тотчас перевел разговор на другую тему.

— Будем, значит, восстанавливать мост, отец? Мне господин начальник обещал платить пятьдесят марок в день. Хороший заработок.

— Да, да, хороший,— поддакивал старик.

Когда прием закончился, четыре немецких солдата выстроили всех на улице и повели в лагерь.

За три дня работы на восстановлении моста Роднюк многое узнал — какими силами здесь располагают немцы, как организована система охраны моста и ближайших к нему подступов. Узнал он также, что фамилия старика Корбут, до оккупации он был на советской работе, потом участвовал в партизанской борьбе.

Прошло около недели. Дольше оставаться Роднюку смысла не было. Разведчик решил податься в полицию, о чем он и сообщил Корбуту. И вот Роднюк снова на бирже труда. Гитлеровец, выслушав партизана, лениво улыбнулся:

— Очень карашо! Но мы должны проверить, кто ты есть.

Роднюк достал из кармана справку и протянул ее гитлеровцу. В справке, принадлежавшей убитому полицейскому, была при-

писка о том, что германским воинским частям надлежит «оказывать господину Грищенко помощь». Читая, фашист дважды отрывался от нее и пристально рассматривал Роднюка.

— Вы сам добровольно перешел на сторону доблестный германских войск? — спросил он.

— Так точно,— щелкнув каблуками, отчеканил Роднюк.

Гитлеровцу, видимо, понравилась солдатская выправка Роднюка.

— Нужно был раньше покажите этот документ,— заметил он.— Вы есть патриот Германии. Вы правильно зделал!

Он переговорил по телефону и обратился к Роднюку:

— Вы есть шофер?

— Да, служил шофером.

— На каком машин?

— На легковой.

— Карашо, подождйт там,— указал он на дверь.

Через полчаса Роднюка снова позвали в кабинет. Шеф, теперь уже через переводчика, спросил Роднюка, где и когда он, Грищенко, перешел на сторону германских войск, при каких обстоятельствах, кем он был до войны, где работал. И только тогда, когда у гитлеровца, по-видимому, не осталось сомнений, он объявил:

— Нашему коменданту нужен шофер, русский шофер, преданный немцам. Вы согласны?

Роднюк не ожидал такого предложения. Тем не менее он не растерялся:

— Я готов служить шефу!

— Зер гут! — одобрил гитлеровец.

В кабинет вошел солдат в эсэсовской форме.

— Это денщик нашего коменданта, — отрекомендовал шеф. — Пойдете вместе с ним.

Комендатура находилась в большом доме, расположенном в центре города. Солдат повел Роднюка в гараж, показал помещение, в котором должен был жить шофер.

— А как фамилия господина коменданта? Я буду его возить, — спросил Роднюк.

— Скажем, — сердито ответил эсэсовец. — Я буду вызывать тебя, когда это понадобится.

Роднюк устроился в грязной и сырой комнатке, которая раньше была мастерской.

А вечером он разыскал на Киевской улице небольшой домик, в котором жил Корбут, и рассказал ему, кто он такой и с какой целью прибыл в Коростень.

Корбут в свою очередь дал понять, что он готов оказать разведчику любую помощь и что у него есть верные люди. В этот же вечер у них возник план: взорвать мост через реку Уж, восстанавливаемый гитлеровцами, захватить коменданта и уйти в лес, к партизанам. Однако многое предстояло обсудить и тщательно взвесить, прежде чем осуществить дерзкий замысел.

Эсэсовец в первый день разбудил Роднюка рано, заставил его мыть машину, таскать дрова, убирать комнату, а в полдень сообщил,

что сегодня он должен везти коменданта и поэтому необходимо тщательно подготовить машину. Через час в гараж вошел высокий гитлеровец с удлинённым лицом и тяжелой челюстью. На правой щеке у него был большой глубокий шрам.

— Шофер? — спросил он Роднюка.

— Так точно! — отчеканил Роднюк, догадавшись, что перед ним комендант.

— Карош шофер? — продолжал гитлеровец.

— Хороший, господин комендант. Ездил на легковой машине, — четко ответил Роднюк.

— А этот машин знайт? — гитлеровец ткнул пальцем в новенький «вандерер».

— Да, водить умею.

Плюхнувшись на заднее сиденье и приказав денщику сесть рядом с Роднюком, майор приказал ехать. Роднюк завел мотор и впопыхах резко дернул рычаг скоростей, включив третью скорость. Машина рванулась вперед. Не успел Роднюк затормозить, как получил оплеуху майора.

— Свинья! — заорал гитлеровец.

Денщик вытолкнул Роднюка из машины и приказал часовому отвести его в подвал. Роднюк мысленно ругал себя за совершенный промах.

Два дня просидел Роднюк в подвале. Потом денщик сообщил ему, что шофером у коменданта будет работать солдат из отряда СС, а Роднюк помогать ему. Это было на девятый день пребывания в Коростене.

Ночью в город прибыла большая колонна

военных машин. Роднюку удалось выяснить, что это передовые части словацкой дивизии, которую немецкое командование перебрасывало на подавление партизан.

Словаков расквартировали в домах по той улице, где жил Корбут, а немцев разместили в лучших особняках города. Караульную службу несли гитлеровцы совместно со словаками. Но ходили упорные слухи, что фашисты не доверяют словакам, так как нередко были случаи перехода их на сторону советских партизан.

В доме, где жил Корбут, поместили двух словацких солдат. Во дворе поставили автомашину. Корбут довольно быстро познакомился со словаками. Одного из них звали Стефаном, а другого — Яном. Оба они оказались простыми веселыми парнями, особенно Стефан. Он шутил, охотно вступал в разговор.

Часто к Корбуту заходил Роднюк. Как-то он принес бутыль с самогоном. Пригласили Яна и Стефана. Они весьма охотно приняли приглашение.

После того как выпили, Стефан заявил: — Я люблю русский народ, — и, посмотрев в окно, добавил: — А фрицев готов вешать! Если бы я знал, где находятся русские партизаны, сразу бы перешел к ним!..

Корбут внимательно слушал Стефана и Яна, осторожно задавал им вопросы. В этот вечер словаки рассказали о многом: как боятся фашисты партизан, о том, что начались работы по восстановлению железной дороги от Коростеня до Овруча.

Было решено использовать Стефана и Яна для получения сведений о восстановительных работах на участке дороги Коростень — Овруч. Они работали шоферами и часто выезжали на автомашине в Овруч и Мозырь. Вернувшись, рассказывали о восстановлении железной дороги Коростень — Мозырь, о месторасположении сторожевых постов. Эти сведения подтвердились при проверке. После этого Стефан и Ян стали пользоваться полным доверием Роднюка и Корбута.

Роднюку не хотелось покидать город, не уничтожив гитлеровцев. Решено было взорвать комендатуру. Стефан достал 10 килограммов тола. Сделали мину. Из дома Корбута ее переправили в гараж. Роднюк должен был установить мину в подвале левого крыла здания комендатуры. На втором этаже находились квартира коменданта и казарма эсэсовцев.

Но тут произошло непредвиденное. С утра эсэсовцы стали сгонять жителей на центральную площадь. Здание комендатуры и прилегающая к нему площадь были оцеплены.

Как выяснилось, накануне вечером группа молодых подпольщиков города пыталась взорвать на железнодорожной станции склад с продовольствием гитлеровцев. Но их постигла неудача: они наткнулись на засаду полицейских. Двое юношей были схвачены, а остальные убиты во время перестрелки.

На площади специально была сооружена виселица. К ней подвели двух измученных юношей. Переводчик прочитал приказ коменданта города: повесить.

Юноши держались мужественно. Толпа дрогнула, услышав их предсмертные слова: «Смерть гадам! Да здравствует Родина!»

После казни гитлеровцы усилили охрану комендатуры, выставили дополнительные наряды патрулей. Когда стемнело, Корбут проверил свой парабеллум, положил в карман две гранаты и направился к условленному месту встречи с Роднюком.

Осторожно пробираясь к площади, Корбут заметил гитлеровца с автоматом, прохаживавшегося вдоль освещенных небольшим прожектором ворот. В глубине двора вырисовывалось здание комендатуры. Корбут остановился, осмотрелся и свернул к огородам.

Перебравшись через небольшой ручей и кусты ивы, он подполз к невысокому строению, приспособленному под гараж. Здесь его ждал Роднюк.

— Миша... — услышал Роднюк глухой шепот Корбута.

— Лезь сюда, — тихо отозвался Роднюк.

Корбут пролез через слуховое окно на чердак к Роднюку, а оттуда они спустились в коридор, разделяющий гараж и комнатку, где жил Роднюк.

Все было готово: и мина, и место для ее установки. Но оказалось, что в этот день фашисты поставили часового во дворе комендатуры. Тогда было решено, что Роднюк выйдет во двор, заговорит с часовым и без шума убьет его финкой. В случае какой-либо заминки Корбут придет на помощь.

— Пошел, Василий Тихонович, — шепнул Роднюк.

Взяв кляп и финку, он громко кашлянул и вышел во двор.

— Кто там? — крикнул эсэсовец и направился к Роднюку.

— Я, шофер коменданта. Сигареты у вас есть? — на ломаном немецком языке спросил Роднюк.

— Назад! — заорал гитлеровец и, приблизившись к Роднюку, направил на него автомат. Эсэсовец хотел еще что-то сказать, но Роднюк резким ударом сбил его с ног и сунул в рот кляп. В это время подошел Корбут. Вдвоем они втащили гитлеровца в комнату Роднюка и заперли дверь

— Удачно, Миша! Теперь в подвал, — командовал Корбут.

Роднюк схватил мину и быстро спустился по лестнице черного хода в подвал. Сдерживая волнение, он установил мину под внутренней стеной и подпалил зажигалкой полуметровый бикфордов шнур. Затем выскочил во двор, где его ждал Корбут.

— Бежим!..

Они снова пролезли через слуховое окно гаража и огородами направились на железнодорожный переезд. Там, на овручском шоссе, ждали их в машине Стефан и Ян. Через некоторое время Роднюк и Корбут услышали сильный взрыв. Когда они почти на ходу вскочили в кузов машины, Ян улыбнулся им:

— О то добре, други, теперь до лясу. — И он включил третью скорость...

Данные, которые доставил Роднюк, были весьма ценными. Теперь у командования

имелось вполне ясное представление о том, что делается на участках железной дороги между Коростенем и Овручем, Овручем и Ельском, какими силами охраняется дорога, где сторожевые укрепления, какие силы расположены в городах. Сложная и кропотливая подготовка к «рельсовой войне» подходила к концу.

Ждали приказа о выступлении.

БРАТЬЯ СЛАВЯНЕ

Роднюк вернулся в партизанскую бригаду с двумя словацкими солдатами Яном Костинским и Стефаном Ржичка. Корбут остался в городе. В штабе соединения они рассказали Беленчику о себе. Николай Петрович спросил их:

— А Рудольфа Миченца вы случайно не знаете?

Стефан и Ян недоуменно переглянулись.

— А вы его тоже знаете, товарищ командир?

— Это наш герой. Хотя он и был у нас недолго, около четырех месяцев, но сделал очень много. Вечная слава ему.

— Рудольф служил в нашей части. Он сам из-под Братиславы,— почти в один голос сказали словаки.

В белорусском Полесье еще и теперь ходят легенды о смелых подвигах словака Рудольфа Миченца. Рудольф попал к партизанам в январе 1943 года, в самые трудные и тяжелые дни. И вот при каких обстоятельствах. В нашем Лельчицком отряде был пар-

тизан Алексей Лин из деревни Старый Фольварк. Однажды его направили в разведку в Буйновичи. Выполнив задание и возвращаясь обратно в лагерь, он заехал домой. Там ему сообщили о каком-то словацком солдате, которого приютила местная жительница Чернушевич.

На рассвете группа партизан конной разведки прибыла в эту деревню. Когда разведчики подъехали к дому Чернушевич, первым во двор вбежал Алексей. Из гумна вышел в военном кителе и штатских брюках невысокий крепко сбитый юноша. Увидев партизан, он немного растерялся, но, узнав, кто они, бросился к Лину и проговорил:

— Братья партизаны, я к вам!

В то время партизанский отряд находился в дремучем лесу, недалеко от деревни Заболотье. В штабном шалаше Рудольф рассказал нам о настроении словацких солдат, о том, как он искал отряд.

— Шесть суток по лесам и болотам Полесья искал я ваш отряд,— рассказывал Рудольф.— Ушел из роты со станции Словечно. Январские морозы давали себя знать. За время перехода ботинки порвались, и я их перевязал веревками. По компасу вышел на окраину села Буйновичи, встретил старика. Он вез на салазках хворост.

«Отец,— обратился я к нему,— где тут партизаны? Я солдат — словак, ищу партизан». Старик очень испугался. По-видимому, мой внешний вид произвел на него неприятное впечатление. Он молчал, потупив глаза. «Очень прошу, отец,— повторил я,— ска-

жите, где партизаны? Мне надо прямо к командиру, иначе я замерзну в лесу».

И я бросил к его ногам винтовку. Старик поднял голову, пристально посмотрел на меня. «Боже, что делается-то на свете», — вздохнул он. Он подошел ко мне, потрогал руки и проговорил: «И семья есть?» — «Нет еще», — ответил я.

Старик сунул мне большие рукавицы и быстро зашагал в сторону деревни. «Я мигом, солдатик, жди меня здесь», — уже на ходу крикнул он.

Через полчаса старик привез мне потертую овчинную шапку и портянки. Я надел шапку и попытался было снять ботинки, но они примерзли к ногам. Долго старик тер мне ноги. Наконец я почувствовал боль.

«Мой сын где-то тоже воюет, — проследился старик. — Ты спрашиваешь про партизан. — Он посмотрел на лежащую около салязок винтовку, а затем перевел взгляд на меня: — Вчера здесь были и уехали в сторону деревни Старый Фольварк».

Я направился в эту деревню и, как видите, нашел отряд, — закончил Рудольф.

...За три месяца пребывания в партизанском отряде Рудольф выполнил много сложных заданий, участвовал в боях, засадах, разведке.

Уже на второй день пребывания в нашем отряде он обратился ко мне с просьбой:

— Вот, товарищ командир, написал солдатам письма. — И он передал десять листков, исписанных по-словацки. Это были своего рода воззвания к словакам. Гарнизон

их в то время находился в деревне Картыничи. Нам было ясно, что Рудольф — это человек с горячей душой патриота и что на него можно полностью положиться.

Вечером того же дня Рудольф вместе с молодым партизаном Николаем Овсянником проник в словацкий гарнизон, роздал письма солдатам и к рассвету привел в лагерь группу словаков.

Был и такой случай. Партизан Иосиф Яблонский как-то ночью сообщил в штаб отряда, что в деревню Марковское вошли гитлеровцы и грабят население. Об этом узнал Рудольф.

— Прошу, братья, и меня взять на задание,— попросил он.— Буду бить фашистов.

Отряд был разбит на три боевые группы. Первой группой командовал Семен Шукалович, второй — Михаил Остапович и третьей — Николай Янковец. Группам была поставлена задача — обстрелять фашистов и не дать увезти награбленное добро.

Когда вечером партизаны приблизились к крайним домам, Рудольф, находившийся рядом со мной, шепотом сказал:

— Разрешите, я перший.

Я кивнул головой. Раздалась короткая автоматная очередь. Это застрочил пулемет Семена Шукаловича. Бой начался. Партизаны вели огонь из-за домов. У гитлеровцев началась паника. Неожиданно в воздух взвилась осветительная ракета. Это могло помешать операции. Тогда Рудольф, выскочив на улицу, поднял автомат и закричал по-немецки:

— Прекратить стрельбу, здесь свои!

Гитлеровцы пришли в замешательство. Стрельба на минуту стихла. Воспользовавшись этим, партизаны короткими перебежками приблизились к центру села. Гитлеровцы, поняв, что это уловка партизан, открыли сильный огонь. Под натиском партизан они начали отступать и, оставив награбленное, отошли в сторону Лельчиц.

Погиб Рудольф весной 1943 года.

...В село Буйновичи на борьбу с партизанами прибыло гитлеровское воинское подразделение, в состав которого входил и батальон словаков. Штаб бригады находился в это время в деревне Липяны. Посоветовавшись с комиссаром Романом Лином и начальником штаба Парфеном Гончаровым, я принял решение: послать Рудольфа и Григория Щирского в гарнизон Буйновичей, чтобы вывести часть словацких солдат. Когда Миченцу и Щирскому сообщили о задаче, Рудольф улыбнулся и заявил:

— Весь батальон приведем, товарищи. Все будут у нас.

До Буйновичей лесом их сопровождали партизаны-разведчики. В деревню Рудольф и Щирский пробрались вечером, узнали, что словацкие солдаты расквартированы по улице Пушкина. Партизаны направились туда. Рудольф смело заходил почти в каждый дом и предлагал словакам немедленно переходить на сторону партизан. Щирский оставался на улице, охраняя его. Так они прошли почти всю улицу. В последнем доме их постигла неудача. В нем оказались гитлеровцы.

Завязался бой. Щирский по огородам начал отходить в сторону леса, но фашистская пуля сразила его.

Рудольф отбивался в доме до последнего патрона. Каратели схватили его, тяжело раненного, истекавшего кровью.

Через два дня партизаны узнали, что гитлеровцы хотят вывезти Рудольфа в Братиславу и там казнить. Командование отряда приняло решение вырвать его из фашистских лап. Совместно с батальоном из соединения А. Н. Сабурова партизаны блокировали Буйновичи и за Будой-Софиевской устроили засаду. На эту засаду нарвалась колонна машин с фашистами. Головные автомашины были разбиты, но Рудольфа в них не оказалось. Он находился на одной из машин, замыкающих колонну. Спасшиеся гитлеровцы вернулись в Буйновичи и, надругавшись над героем, убили его.

Выслушав рассказ о Рудольфе, Стефан и Ян сказали:

— Мы отомстим за Рудольфа!

ПУТЬ В ЕЛЬСКУЮ БРИГАДУ

Мы не знали, в какой именно день поступит приказ о начале операции «рельсовая война», но ждали его и были готовы к выполнению задания. Комиссар бригады Роман Лукьянович Лин, старый коммунист и опытный партизан, часто беседовал с партизанами, подготавливал их к ответственной операции.

Наконец первого августа 1943 года всех командиров и комиссаров бригад Южноприпятского соединения вызвали в штаб. В назначенный час я зашел в палатку Беленчика. Там уже были командир Ельской бригады Антон Мищенко, его комиссар Иван Козинцев, добродушный и спокойный Александр Жильский, командир Мозырьской бригады, и другие.

Беленчик сообщил о положении на фронтах, а затем зачитал приказ штаба соединения полесских партизан о проведении операции «рельсовая война». После этого Беленчик ознакомил нас с приказом по Южноприпятскому соединению. В нем было сказано, что партизанские отряды и бригады должны вывести из строя участок железной дороги от Мозыря до станции Словечно. Исходным пунктом при выполнении задания назначено месторасположение Ельской партизанской бригады, которая дислоцировалась недалеко от железной дороги.

Ночью готовились к выходу, а рано утром три отряда и разведрота нашей бригады двинулись в путь. Предстояло преодолеть около сорока километров тяжелого бездорожья. Кругом лес, его пересекала неторопливая река Уборть. Низкие ее берега заросли густым кустарником. А кругом — топи, болота, мелкие речушки. Места здесь безлюдные, труднопроходимые. Но партизаны еще раз доказали, что для них нет непроходимых мест. По болотам, сквозь густые заросли прошли даже обозы.

Впереди шла рота Семена Шукаловича, за

ней — отряд имени Кутузова, и замыкал колонну Гребеневский отряд. Отряды имени Калинина и имени Суворова двинулись к месту расположения лагеря Мозырской бригады. Они должны были действовать совместно с этой бригадой на участке железной дороги Мозырь — Ельск.

...Где-то впереди разносится дружное постукивание топора. Слышится треск падающего дерева. Партизаны укладывают бревна на топкую землю.

Однофамильцу комиссара бригады — разведчику Алексею Лину поручено найти брод через реку Уборть. Он осторожно входит в холодную воду. Переправа найдена! За разведчиком переправляются обоз и партизаны.

Ездовой Балахонов первым перебрался на противоположный берег и остановился у старой березы. Он и начальник штаба Гончаров сидели на возу, доверху наполненном свежей, недавно скошенной травой. Балахонов уложил поверх травы винтовку, гикнул на коней:

— И-и, красавчики!

Дорога узкая, лесная. То хлестнет по лицу сосна, то зацепит дуб, наклонивший свои ветви чуть ли не к земле. Дятел, вцепившись острыми когтями в ствол дерева, деловито стучит по коре. Долетает воркованье диких голубей. Безуспешно попытаться увидеть их. Невидимые, сидят они не то на дубе столетнем, не то на сосне с густой, непроницаемой кроной.

— Был у нас, товарищ начштаба, в отряде партизан Алексей Анисимов, — начал рас-

сказывать Балахонов.— Сибиряк, огонь парень. Смелый, ловкий. Звание старшего сержанта имел. Из немецкого плена попал к нам в отряд в декабре тысяча девятьсот сорок второго года. Никого не боялся. Возле местечка Скрыгалово напали на нас фашисты. Поле чистое. Конники спешили, а Анисимов — хоть бы что. Сидит верхом на лошади, из автомата строчит, кулаком грозит гитлеровцам. Ну и парень!.. Залегли мы и дали бой. Тогда Анисимов больше всех гитлеровцев уложил. Автоматчик он добрый и пулеметчик лихой...

Дорогу преградила небольшая речушка. Балахонов отпустил чересседельник, отвязал повод, и лошади начали жадно пить. Отряды благополучно переправились на другую сторону. Снова дорога, извиваясь, повела в глубь леса. Разведчики спешили и скрылись в кустах. Подошла головная колонна партизан отряда имени Кутузова. В повозку подсели радист Григорий Стенько и комиссар бригады Роман Лукьянович Лин.

А Балахонов продолжал:

— Сердце у него такое. За товарища — в огонь и в воду. Последней махоркой, бывало, поделится. В обиду дружка не даст. А к гитлеровцам у него большая была ярость. От них и смерть принял. В одной деревне погиб. Там мы гитлеровцев и полицейских громили. Погнался он за офицером, в плен хотел его, гада, взять, а офицер под ним коня убил. Другой бы вернулся, а Анисимов пешим стал того офицера ловить. Гнался, гнался за ним. Потом упал. Мы

к нему подбежали, а Анисимов уже мертвый лежит. В диске автомата ни одного патрона не осталось...

Повозка прыгает по корням, которые, выбившись из земли, как удавы, легли на поверхности. Кроны деревьев сплелись между собой, образуя густую завесу. Словно в сумерках, идут партизаны все дальше и дальше.

Лесное озеро. Тихая вода, камыши. Желтые корзиночки лилий. Веет от всего этого сказочным, сонным царством. Пахнет мхом, сыростью, прелым деревом.

— И-и, красавчики! — привычно гикнул Балахонов, и кони нерешительно ступили с берега. Колеса сразу погрузились в воду.

— Ничего, доеду. Дальше похуже болотца будут, — улыбаясь, подбадривает Балахонов.

Миновав кладбище с деревянными крестами, расположенное недалеко от села Буйновичи, партизаны вышли на проселочную дорогу. Телеграфные и телефонные столбы с оборванными проводами. Справа и слева густая стена леса. Изредка попадаются небольшие поляны.

...Село Буйновичи. Ни одного дома. Все сожжено фашистами. Кое-где висят разрушенные печи да уцелевшие трубы — это все, что осталось от жилья. Улицы безлюдны. Изредка попадаются наспех сколоченные курени. Груды развалин. Около остова печи стоит усталый мужчина. Он вытирает слезы.

— Немало народу тут гитлеровцы в тысяча девятьсот сорок первом году пере-

били,— говорит он.— Кто в лес убежал — тот уцелел, а кого захватили — тех уничтожили. И в огонь живьем бросал, и расстреливал проклятый фашист,— рассказывает мужчина.

Снова в пути. По дороге к штабной повозке часто подходят партизаны, шутят. Разведчики докладывают начальнику штаба обстановку. Подошли к болоту. Коня медленно тащат повозку.

— Ну, тут гляди в оба,— говорит кто-то из партизан.

Это последняя преграда. Доложили, что впереди деревня Синицкое Поле. Вечереет. Горят на западе тучи, и на фоне их хорошо видны медленные взмахи крыльев одинокого аиста. Вот и село. Оно уцелело. Стоят деревянные, крепко сколоченные хаты, такие же прочные сараи и добротные заборы. На улице наши разведчики. Вот на скамейке сидит пожилой партизан, он беседует с женщиной. Рядом совсем молодой Николай Янковец с автоматом через плечо и с балалайкой в руках. Подъехала штабная повозка.

— Янковец! — крикнул комиссар партизану.— Позовите ко мне командира роты Шукаловича.

Партизаны насторожились. Минут через пять Шукалович уже был около штабной повозки.

— Сделаем привал в деревне, товарищ комиссар,— сообщил он Лину,— приказ командира бригады.

— Подавайте команду,— приказал начштаба Гончаров.

— Завтра будем у цели, товарищ комиссар! — сказал Шукалович.

— Должны быть.

Навстречу им вышел Павел Татарчук — командир Гребеневского отряда.

— Комбриг приказал разместить штаб в этом доме,— доложил он.

Зашло солнце, погасли его краски на горизонте, в деревне закрипели ворота, захлопали двери. Партизаны готовились немного отдохнуть.

Через час начальник штаба Гончаров обходил дома, где отдыхали партизаны, и проверял посты. Пройдя мимо последнего дома, он углубился в лес.

— Пропуск?! — властно прозвучал голос часового.

— Свои, свои,— поспешил ответить Гончаров.

— А, товарищ начальник штаба.— Из тьмы выступили два часовых с автоматами наперевес. Это были Александр Мельянец и Василий Реут.

— Где же остальные партизаны заставы? — спросил Гончаров.

— В шалаше они, отдыхают.

Мельянец вызвался проводить Гончарова.

В хорошо замаскированном шалаше сидели восемь человек. Горел костер, на рогатках висел котелок с водой.

— Чаек будем пить с пирожными, товарищ начштаба,— под общий смех прогово-

рил никогда не унывающий разведчик Костя Чурилов.

— Все шутишь, Костя,— заметил Гончаров.

— А чего же не шутить. Вот рванем железку — и порядок будет.

За поясом у Чурилова — трофейный пистолет, в руках — кожаная плеть.

— Закурить бы...

Его угостили самосадом. Жадно затягиваясь, он начал, как всегда, рассказывать:

— К Припяти в разведку уходил.

— Ну и как?

— Чуть было мне гитлеровец лапти не сплел. И как получилось,— поблескивая глазами, продолжал свой рассказ Костя.

Гончаров присел около костра и стал слушать.

— Подхожу к селу. Где лесочком, где в рожь войду, ползком пробираюсь. Смотрю — никого. Обошел вокруг — ни души. Что за черт! Решил в хату зайти. Там у нас дочка связного жила. Помните, товарищ начштаба? — обратился он к Гончарову. — И в хате никого. Думаю, неужели всех жителей угнали гитлеровцы и сами смылись? Выхожу из хаты, а в дверях на встречу мне гитлеровец. Здоровенный такой. «Русь! Партизан!..»

Шапка на мне вот эта была. Видно, красную ленточку заметил. Стоит как вкопанный. Он на меня смотрит, я — на него. Глаза у него на лоб лезут, а сам бледный стал. Вот бы в кино заснять. Редкий случай.

— Ты тоже небось сдрейфил?

— Я-то испугался,— улыбнулся разведчик,— но не за себя, а за пакет больше переживал. И развернуться мне неудобно — тесно в сенцах. Он как хватит меня за грудь... Вылетели мы оба во двор. Вывернулся я да как ударю его ногой... Упал гитлеровец и винтовку из рук выпустил. Я убежать, он — за мной. Я тогда вот этот парабеллум выхватил, уложил его, а сам за сарай.

Чурилов докурил сигарку так, что «бычок» уже невозможно было держать на губе, и лишь тогда бросил его в костер.

— А в селах что творят эти гитлеровские подпевалы — полицейские. В одном селе нашего связного фашисты расстреляли. Обманули его. Заходят переодетые полицейские. Мы, мол, партизаны, убегаем от гитлеровцев, спрячь нас. Поверил им, спрятал, думал, и в самом деле партизаны. Убили человека. Жену его убили, двух дочек. Детишки были маленькие, и детишек не пожалели.

А в другом селе тоже вот так; пришли к одной женщине: «Мы партизаны, спрячь нас».

Поверила, спрятала на чердаке. Потом гитлеровцы пришли, а они, гады, эти полицейские, послазили с чердака, смеются: «Так вот ты какая... Партизанка, значит?»

Она — из хаты, они — за ней. Гонялись, гонялись, а поймать — не удалось. Бросилась в Припять... и утонула.

На рассвете снова в путь. Снова густой лес, мокрые коренья, беспорядочно сваленные подгнившие деревья, заросли кустов. Хотелось, чтобы над головой было широкое

голубое небо, освещенное теплым августовским солнцем, хотелось попить чистой колодезной воды, увидеть людей, почувствовать запах жилья.

По карте впереди значилась деревня. Но мало кто был уверен, что она уцелела. Многие населенные пункты на карте значились, но вместо них были только поляны да бурьян. На сотни километров опустошили полесскую землю немецко-фашистские захватчики. Невозделанные поля, безлюдье, заросшие проселочные дороги...

Вот и опушка леса. Рядом должна быть деревня Кочище. Ни одного живого существа, ни одного уцелевшего дома. Видны только остовы печей. Вдруг из-за деревьев показались люди. Это были местные крестьяне. Партизаны направились к ним.

— Что же вы тут стоите?! — крикнул им кто-то из командиров.

— А... гм... Нам можно туда? — спросил старик с дымчатой головой, пристально и недоверчиво рассматривая нас.

— Куда? — спросил Чурилов.

— В деревню, — ответил старик, переминаясь с ноги на ногу и, видимо, с нетерпением ожидая ответа.

— В деревню? Почему же нельзя?

Старик, все еще не уверенный в том, что перед ним партизаны, сказал:

— Господин начальник, разрешите пойти посмотреть на свое селище вблизи?

— Ну начальник — это еще ладно, — усмехнулся Чурилов, — но вот какой я тебе господин, не понимаю. У меня отец где-то

в этих местах, а ты «господин». Иди, папаша, смотри сколько хочешь. Ты что, давно деревню не видел?

Партизаны разговорились с крестьянами, люди оживились. Теперь уже говорил не только старик, его перебивали крестьянки. Правда, голоса их были чуть слышны, точно у тяжелобольных.

— Трудно угадать сразу, кто пришел в деревню — свои или чужие, — осторожно говорил старик. — Вот и прячемся, как дикари, в лесу. Ведь фашистские гады почти всех жителей нашего села перебили. Осталось немного.

— Вон там около болота лежат в ряд мертвые — и дети, и женщины, — скороговоркой начала старуха.

— Это правда, всех больных немцы умертвили, — подтвердил старик. — Но ты, Аксинья, не перебивай. Я сам расскажу все по порядку...

Остановить женщин старику не удалось. Они заговорили разом, наперебой, рассказывая о страшном своем горе, о злодеяниях гитлеровцев.

— Как вернулись мы, — причитает старуха, — стал он нас ломать да корезить. Сплю я в хате, слышу: на дворе что-то недоброе делается. Встала, а выйти не могу. С той стороны дверь подперта. Вижу: немцы со двора все тянут: корову, теленка — и тут же, на улице, режут. Выскочила я, простоволосая, упала на колени: «Пан, отдай ты мне хоть что-нибудь. Дети же у меня!» А он пистолетом тычет.

Анне Сачек было 70 лет, сын ее в Красной Армии. Увидели гитлеровцы фотографию сына: «А, большевик, коммунист».

Схватили старуху и вытолкали из избы. Она все повторяла: «Отдайте сынову карточку». Гитлеровцы издевались над ней. Потом разобрали в избе печь, поставили туда трех лошадей, и старуха жила тут же, навоз убирала, пока не умерла.

Со скотом немцы покончили быстро.

В деревне партизаны пробыли недолго. После привала они снова продолжали путь в лагерь Ельской партизанской бригады, который находился в десяти километрах от деревни Кочище. Через два часа разведчики Семена Шукаловича доложили, что они связались с заставой Ельской бригады. Вскоре навстречу нашим партизанам выехал командир Ельской бригады Антон Мищенко — бывалый, опытный партизан. Он всегда делился своим опытом с другими командирами, подсказывал, как лучше провести ту или иную операцию. Высокий, худощавый, всегда подтянутый, немногословный, он словно забыл то недавнее время, когда любил посмеяться с товарищами, рассказать что-нибудь забавное.

Все его думы были об отряде. В черные дни 1941 года, когда в родной поселок Ельск ворвались немцы, Антон по заданию партии ушел вместе с группой товарищей в лес партизанить. Там они оборудовали первые базы, с боем добывали оружие и боеприпасы, пополняли свой отряд проверенными, предан-

ными людьми. В боях с полицейскими и гитлеровцами рос и закалялся отряд.

Вот вместе с этой бригадой нам и предстояло выполнить задание, к которому мы так тщательно готовились.

НОЧНАЯ КАНОНАДА

В лагере Ельской бригады всем командирам были точно определены участки действий для каждой бригады, каждого отряда. Севернее Ельска полотно железной дороги должна была взрывать Мозырьская бригада и приданный ей отряд Лельчицкой бригады, а Лельчицкая и Ельская бригады — от Ельска до станции Словечно. Начало «рельсовой войны» было назначено на четвертое августа. Взрыв полотна и мостов должен быть произведен в три часа ночи. По данным разведки, гитлеровцы усилили охрану дороги и пополнили гарнизон станции Ельск.

До железной дороги оставалось еще десять километров. Отряды вышли вечером, когда стало смеркаться, а разведчики покинули лагерь часом раньше. Несмотря на то что к операции подготовились хорошо, партизаны вновь проверили автоматы, винтовки, мины из толовых шашек. Каждый командир ясно представлял свою задачу в общей цели операции «рельсовая война».

Шли осторожно, в колонне по одному. Белевич со своим штабом находился в голове колонны. Душная августовская ночь. Темнота, испарения от мокрой земли. Перед вечером разразился настоящий ливень. Шли

невидимые в темноте люди, упрямые советские партизаны, шли к железной дороге, приглушая шаги, грязь чавкала под ногами. Тяжелые косматые тучи висели над головой, изредка появлялся молодой месяц.

Наши разведчики, которыми командовал Семен Шукалович, решили остановиться на небольшой привал в деревне Ставок, но там не было ни одного дома. Расположились в подвале разрушенной сельской школы. Поставили часовых. Здесь было прохладно, стоял запах сырой земли, тускло мерцала лучина, на белых стенах темнели пятна сырости. В углу из груды кирпичей торчала подставка от глобуса.

Под ступенями лестницы партизаны нашли патефон, видимо спрятанный хозяевами от гитлеровцев. Кто-то начал мурлыкать мелодию белорусского «Крыжачка». Разведчики тесным кружком собрались у горячей лучины, и пламя освещало их небритые лица, черные от копоти и грязи, с воспаленными от бессонницы глазами. Кое-кто дремал на соломе, некоторые лежали в полумраке с широко раскрытыми глазами и, стараясь не пропустить ни одного звука, слушали песню, думая о своем далеком, родном. Шукалович рассматривал карту.

— Хорошая мелодия,— сказал Николай Янковец.

— Да,— нехотя ответили ему.

Болела, видно, партизанская душа от горькой печали.

После короткого отдыха двинулись к железной дороге. Метрах в ста от полотна раз-

ведчики залегли и начали наблюдать за вражескими патрулями. Ближе подойти не было возможности, так как гитлеровцы, опасаясь партизан, вырубили лес вдоль железной дороги, создав зону безопасности. Но вот Шукалович и Чурилов передали по цепочке приказ: «Вести наблюдение за дорогой», а сами по-пластунски продвинулись метров на пятьдесят вперед.

Разведчики знали, что на перекрестке шоссе и железной дороги сооружен дзот. От него на расстоянии до пятисот метров вдоль дороги через каждые десять минут патрулируют гитлеровцы.

Когда подошли подразделения и Чурилов доложил обстановку, командиры посовещались: как быть с дзотом? Взорвать его или оставить? Решили взорвать. Если оставить, то из него наверняка немцы откроют огонь, а это значит: неизбежны жертвы. Сектор обстрела со стороны дзота большой. Взрыв дзота был поручен группе разведчиков во главе с Чуриловым. По-пластунски они стали продвигаться к укрепленному пункту.

Прошло несколько томительных минут. Затаив дыхание, партизаны следили за группой смельчаков. Наконец около дзота раздались взрывы гранат. Это Чурилов со своими ребятами. Но, видимо, гранаты не достигли цели. Из дзота застрочил пулемет. Тогда Михаил Роднюк, пренебрегая опасностью, сбоку бросился к амбразуре дзота и метнул туда гранату... Раздался взрыв — и пулемет замолк.

В воздух взвилась зеленая ракета. Это был

сигнал, означавший начало выполнения задания. Партизаны энергичным броском достигли насыпи. Первым на нее взбежал возбужденный удачей Роднюк. Он громко крикнул:

— За мной, ребята!

Подбежали к дороге. Каждый старался приложить к рельсу толовую шашку в отведенные для этого секунды и в определенном для него месте. Проходит пять секунд, десять, пятнадцать, восемнадцать... Поступила команда отходить. И вскоре загремели взрывы. Они перемешались с автоматной и пулеметной трескотней. Партизаны отходили. Раздался голос Чурилова:

— Миша, назад!

Но вот сверкнула вспышка, и раздался большой силы взрыв. Его отблески озарили дорогу. Это была последняя операция Михаила Роднюка. Нарушив приказ, он за двадцать секунд решил поставить две шашки и при взрыве последней погиб сам.

Справа и слева до нас доносились приглушенные взрывы: это действовали партизаны Ельской и Мозырской бригад.

Одновременно с нами разрушали железнодорожное полотно и мосты, пускали под откос эшелоны с живой силой и техникой врага и другие соединения. На десятках, сотнях километров вздымались красные языки взрывов.

Операция по разрушению железной дороги Мозырь — Словечно длилась буквально несколько минут. Но подготовка к ней была длительной и сложной. Успешно выполнили

задание наши южноприпятские бригады — Мозырьская, Ельская и Лельчицкая. В ту памятную ночь они полностью вывели из строя железную дорогу на участках станций: Мозырь — Мытва — Ельск — Бугутичи — Словечно. Но в рядах партизан не стало многих отважных товарищей. Их похоронили в лесу, недалеко от села Буйновичи.

...Партизаны возвращались обратно на свои базы. Был ясный, тихий летний вечер. Пышные кроны деревьев чуть шелестели... Как всегда, впереди шли разведчики. Вдруг под ногами у Кости Чурилова что-то грохнуло. Сначала он даже не понял, что произошло. Видел только, как мгновенно залегли на землю разведчики, как промелькнули в воздухе комья земли. А потом острая боль в ноге...

«Мина... ранило в ногу». По глазам подбежавших товарищей Костя понял, что ранение серьезное. Страшная слабость разлилась по телу, и Костя потерял сознание.

Очнулся он на носилках, сделанных разведчиками из веток. Чурилов ощущал мучительную ноющую боль в ноге. Его знобило.

До лагеря опять пришлось идти по бездорожью, в сумерках лесной чащи. Разведчиков было десять: четверо несли носилки, а остальные шли впереди, раздвигая кусты и ветки деревьев. Продвигались медленно и молча.

В лагерь пришли на рассвете. Бригадный врач Василий Тимофеевич Симанович сразу принялся за работу. Раненого положили на устроенный наспех брезентовый стол. Сколь-

ко муки, сколько нечеловеческой боли пришлось перенести ему, оперируемому в лесном партизанском лагере! И каким искусством должен владеть врач, делая операцию в таких условиях!

Чурилов все стерпел: ни одного стога не сорвалось с его закушенных до крови губ.

На второй день в сумерках, окрашенных последними отблесками вечерней зари, колонна партизан въехала в село Картыничи, расположенное недалеко от лагеря. Фашисты сожгли здесь все дома.

— Эй, отец! Где тут брод? — крикнул один из партизан стоявшему на берегу реки старику. Старик вздрогнул, шарахнулся в сторону, затем остановился и заговорил бесвязно и взволнованно:

— Простите, детки, перепугался, померещилось, что опять я в проклятом царстве. Голова у меня, у старого, ребятушки, никуда не годная.

Старик, опустив голову, рассказывал свою грустную повесть. Иногда терял нить повествования, повторял одно и то же. Он был очень худ, бледен, запуган. Настороженно прислушивался он к звукам ночи. Это был Савва Радкевич, житель деревни Картыничи. Большое горе, постоянная тревога выработали у людей боязнь. Погиб сын Саввы Петр Радкевич — стойкий коммунист и партизан. Немцы схватили его в лесу.

Два дня и две ночи Савва Радкевич слышал вопли истязуемого сына. Его били немецкие палачи в соседнем сарае. С тупой методичностью они пытались вырвать у него

признание, что он партизан. В десятый раз немецкий офицер спрашивал: «Зачем ты был в лесу? Где находятся партизаны?» — «Не знаю». — И опять слышались звуки ударов и безумный крик, терзавший сердце отца.

На третий день оборванного, окровавленного Петра вывели из сарая. Старик огородами, лесом крался следом за страшным шествием.

За деревней Боровое фашист короткой очередью из автомата застрелил Петра и еще двух партизан. Старик помнит блеск выстрела, потрясший его до самого сердца. Старый Савва очнулся весь в холодном поту. Кругом было тихо. На месте казни — никого, лишь лежат убитые.

...Партизаны разместились в деревне по землянкам и шалахам. Дворы заросли сорняками. На полях лишь кое-где желтели посеы. Затянуло песком дороги, по которым до войны скрипели возы со снопами. В деревне не осталось ни лошадей, ни скотины, ни телег. Все забрали гитлеровцы.

Была еще ночь, но на востоке уже светлело. Партизаны готовились к очередному выходу на вражеские коммуникации.

Скоро придет час освобождения нашей родной Белоруссии!

НА ВОЗРОЖДЕННОЙ ЗЕМЛЕ

Мне посчастливилось побывать в тех местах, где мы воевали, проводили операцию «рельсовая война». Я испытывал глубо-

кое волнение, когда поезд приближался к знакомым и родным местам. Родным не только потому, что я родился и вырос в белорусском Полесье, но и потому еще, что здесь, в южноприпятской зоне Полесья, среди юных и бородатых партизан в трудные годы Великой Отечественной войны началась и закончилась моя юность.

Вот потянулась за окном родная земля — земля Белоруссии, с нескончаемой лесной кромкой на горизонте, с полями и озерами. Я видел оставшиеся еще кое-где разрушенные бункера вдоль железнодорожного полотна, блиндажи около мостов, ржавые спирали колючей проволоки — памятники черных дней гитлеровской оккупации.

Когда поезд останавливался, я выбегал из вагона и с большим интересом разглядывал отстроенные заново вокзалы, платформы, станционные здания, водонапорные башни, дома.

В Гомеле меня поразила красота и благоустроенность новых улиц, нового вокзала и клуба железнодорожников. Запах свежей, невысохшей краски, смолистой сосны, стук молотка и топора, визг пилы и яркое пламя электросварки сопровождали меня на всем пути до бывших партизанских мест.

Со станции Калинковичи до районного центра Лельчицы я добирался на автобусе. И так же, как в поезде, не мог оторваться от окна. Все тут родное, знакомое с детства. Деревня Злодин, мост через реку Уборть, который мы взрывали, чтобы враг не мог пройти

к Лельчицам. А сейчас машина уверенно въехала на новый мост, крепкий, прочный.

А ведь какая страшная картина была здесь в годы войны! На всю Брянщину и Полесье простиралась мрачная и голая пустыня с обгорелыми остовами печей на месте станции, с вывороченными шпалами, изогнутыми рельсами.

Ярко вставала в памяти суровая и трагическая картина жизни этого края под тенью свастики. Разоренные дотла села и деревни... Старики, женщины, дети, ютящиеся в землянках и шалашах на болотах. Страх перед карательными экспедициями фашистов, которые расстреливали невинных людей, забирали у них хлеб, угоняли их на каторжные работы в свою неметчину. Вспомнились павшие герои-партизаны: Михаил Роднюк, Сергей Ермак, Аня Шилук, Петр Радкевич и сын чехословацкого народа Рудольф Миченец.

В районный центр Лельчицы я приехал утром. Стоя с чемоданом в руке, я засмотрелся на новое двухэтажное здание средней школы. Яркий цвет красного кирпича еще не успел поблекнуть от дождей и ветров. Кругом новые рубленые жилые дома и каменные здания: почта, универмаг, райком партии, райисполком, леспромхоз...

Я так был погружен в события прошедших лет, что, когда меня кто-то окликнул, невольно вздрогнул. Радостно поблескивая глазами, вытянув вперед правую руку, шел ко мне Семен Терентьевич Шукалович, наш боевой и уважаемый всеми партизанами командир роты.

— Надолго к нам?

— Нет, только на несколько дней...

— Жаль,— с досадой проговорил он.— Нужно было приехать по крайней мере на месячишко.

Семен Терентьевич стал с увлечением вспоминать о партизанской жизни, о старых друзьях, о боевых делах, но, заметив, что я не спускаю глаз с новых построек, прервал себя на полуслове.

— Удивляешься? Отстроились мы не хуже других!— воскликнул Семен Терентьевич.— В нашей деревне Симоновичи тоже много перемен. Я работаю там председателем Совета,— и в голосе его зазвучала гордость.

Разговорившись, мы совсем забыли, что стоим посреди улицы. Впрочем, больше говорил Семен Терентьевич, а мне любо было послушать боевого друга.

— Мне и самому не верится,— с жаром продолжал он,— что мы так быстро наладили жизнь. Восстановили райпромкомбинат, построили мельницу, много жилых домов и магазинов, гостиницу, две школы.

Указывая на общежитие сплавщиков леса, Семен Терентьевич громко произнес:

— Дворец!

Схватив меня за рукав, он потянул за собой.

— Разве упомнишь все! Вот электричество провели, и все деревни радиофицировали. А электростанция у нас какая...

Громкий голос его привлек внимание двух проходивших по улице людей. Они подошли к нам, и я узнал бывшего партизана радиста

бригады Ивана Игнатовского и бывшую партизанку, а ныне учительницу, Раису Шуляковскую.

С оживлением, с каким говорят люди о кровно интересующем их деле, друзья наперебой заговорили о культурной жизни в районе, о том, как велик спрос на хорошие кинокартины, что молодежь интересуется международными событиями.

Рассказывали они и о комсомольских четвергах в районном клубе, о коллективе художественной самодеятельности районного центра, о том, что драматический кружок успешно поставил пьесу белорусского драматурга Кондрата Крапивы «Партизаны».

Только поздно вечером я пришел в гостиницу. Возбуждение, вызванное встречей с земляками, долго не давало мне уснуть. Все, что я услышал и увидел за день — цифры, факты, живые примеры, — все это проносилось в голове, мелькало перед глазами.

Район, как рассказывали мне в райкоме партии, превзошел довоенный уровень во всех отраслях хозяйства. Одержаны новые значительные победы в борьбе за повышение культуры колхозного крестьянства, за дальнейший подъем благосостояния трудящихся — победы, не менее славные, чем партизанские. Ведь гитлеровцы уничтожили шесть тысяч жилых домов, угнали весь скот... А ныне в таких селах, как Гребени, Прибыловичи, Чияние, Симоновичи, выросли стройные ряды новых хороших домов.

Советское государство оказало колхозникам неоценимую поддержку. Крестьяне,

оставшиеся буквально без кола, без двора, получили в долгосрочный кредит более десяти миллионов рублей и безвозмездно много крупного рогатого скота, 35 автомашин. Работает Лельчицкая ремонтно-техническая станция.

Благодаря совместным усилиям государства и трудящихся полностью восстановлена промышленность района: подняты из пепелищ заводы — кирпичные, смоляные, которые поставляют свою продукцию даже в другие районы области. Недавно построен овощесушильный завод. Повседневная забота партии и государства о народном просвещении характеризуется такими цифрами: район имеет 9 средних, 16 семилетних, 38 начальных школ. В каждом сельском Совете есть изба-читальня и библиотека.

В районном центре закончено строительство новой больницы, которая по количеству коек значительно превосходит больницу довоенную. В ней работает бывший врач партизанской бригады Василий Тимофеевич Симанович.

Утром следующего дня, когда я направился в райком партии, мне встретился мужчина средних лет. Он шел торопливо, а когда взглянул на меня, его лицо расплылось в приветливой улыбке.

Это был Михаил Миронович Остапович — один из организаторов партизанского отряда в суровые дни 1942 года. Потом он командовал разведкой, ротой.

— А теперь я снова заведу фермой

в своем колхозе! — с гордостью произнес Михаил Миронович.

Я искренне порадовался за него и спросил, что в колхозе нового.

— Что нового? Да все новое, старого ничего нет. зернохранилище новое, новые коровники, птицеферма. Еще что? Двести пятьдесят домов выстроили! Загляденье! Землянки теперь вместо погребов у нас.

Я вспомнил, что после гитлеровцев от этой деревни остался один пепел.

— Сейчас мы стали на новые рельсы, — продолжал Остапович. — Будем строить колхозный городок.

Мы уже подходили к райисполкому.

— Я сюда на совещание по сельскому хозяйству. Как видишь, раны войны давно залечены. От прошлого осталось только трофейное седло мое, партизанское. — Он показал на своего коня, привязанного к забору: — Храню, как музейную редкость. Школу и клуб строили у нас комсомольцы, молодежь, — продолжал он. — Колхозники у нас получают в этом году по два с половиной килограмма хлеба и по шесть килограммов картофеля на трудодень. Каково? Не веришь? Приезжай посмотри.

И Михаил Миронович направился к дверям райисполкома. На пороге он обернулся и крикнул:

— Так приезжай! Деревня Дуброва. На его пиджаке сверкнула медаль «Партизану Отечественной войны» I степени.

Дни летели незаметно. Я побывал в гостях у бывшего своего комиссара Романа Лукья-

новича Лина, ныне пенсионера, на Лельчицкой РТС, на лесосплаве и в родной своей деревне.

Евдокия Лещинская, бывшая партизанка, ныне колхозница, после долгой и задушевной беседы о делах артели сказала:

— В тысяча девятьсот тридцать девятом году Всесоюзный староста вручил мне медаль «За трудовое отличие». Я никогда не забуду слов Михаила Ивановича Калинина: «Пусть настанет день, когда и вы, Евдокия Петровна, будете вручать своим односельчанам правительственные награды за образцовый труд». И что вы думаете, он был прав! Будучи депутатом районного Совета, я вручила по поручению правительства членам своего колхоза двадцать пять медалей за трудовые успехи.

Ну как тут было не радоваться за наших замечательных людей!

Всего несколько дней провел я в бывшем партизанском крае, но и этих дней было достаточно, чтобы увидеть трудовой подъем, которым охвачен наш народ, вышедший из войны еще более сильным, еще более мужественным и трудолюбивым.

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Операция «рельсовая война»	3
Южнее Припяти	15
Слово за разведчиками	28
Роднюк в Коростене	42
Братья славяне	53
Путь в Ельскую бригаду	58
Ночная канонада	70
На возрожденной земле	76

Колос Иван Андреевич
РЕЛЬСОВАЯ ВОЙНА В ПОЛЕСЬЕ

М., Воениздат, 1962, 84 с.

Редактор *Гнедовец П. П.*
Технический редактор *Кокина Н. Н.*
Корректор *Кащеева Р. А.*

Сдано в набор 27.2.62 г. Подписано к печати 6.6.62 г.
 Формат бумаги 70×90¹/₃₂ — 2⁵/₈ печ. л. 3,071 усл. печ. л. —
 2,966 уч.-изд. л.
 Г-80898

Изд. № 2/2612 Тираж 50 000 Т.П.61—114 Зак. 101

2-я типография Военного издательства
 Министерства обороны СССР
 Ленинград, Д-65, Дворцовая пл., 10
Цена 9 коп.

Цена 9 коп.

И. КОЛОС

РЕЛЬСОВАЯ ВОЙНА В ПОЛЕСЬЕ

